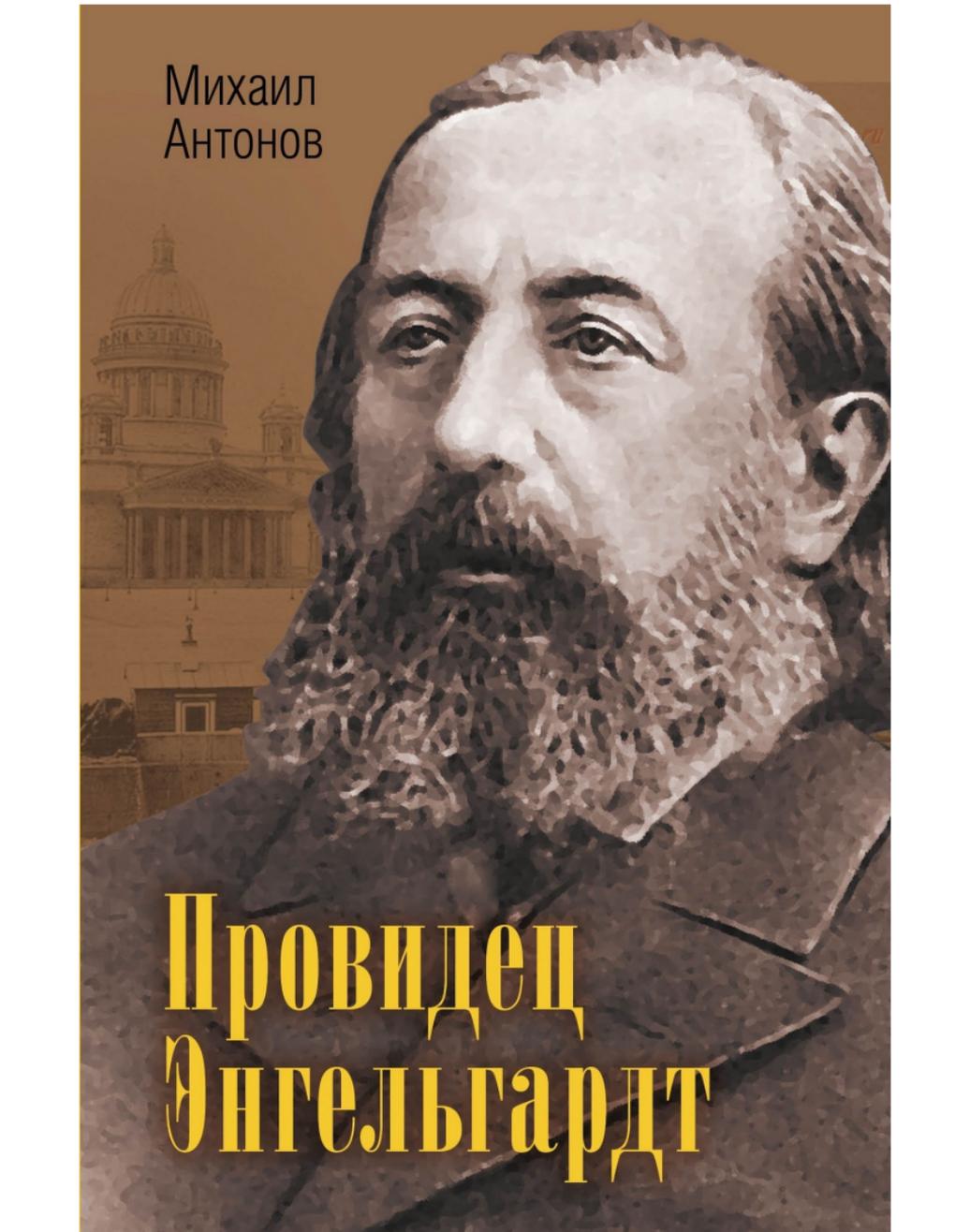

Михаил
Антонов

A stylized, textured portrait of a man with a large, dark beard and mustache, looking slightly to the left. The background is a sepia-toned image of a large, domed building, likely a cathedral or government building. The overall color palette is warm and monochromatic, dominated by browns and tans.

Провидец Энгельгардт

Михаил Федорович Антонов

Провидец Энгельгардт

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40509964

Провидец Энгельгардт / М.Ф. Антонов: Родина; Москва; 2019

ISBN 978-5-907149-38-0

Аннотация

В книге описаны жизненный путь и деятельность выдающегося русского учёного, хозяйственника, мыслителя и публициста Александра Николаевича Энгельгардта. В отличие от других трудов на эту тему, обычно посвящённых деталям биографии и разбору его книги «Из деревни», в данной работе в центре внимания оказались размышления А.Н. Энгельгардта о путях развития и исторической миссии России и о фундаментальных ценностях человеческой жизни, его идеи о рациональном размещении производительных сил по территории страны, космическом характере и оптимальных методах хозяйствования с государственной и общенародной точек зрения, типе экономики, которая неизбежно придёт на смену рыночной, о роли интеллигенции в обществе и типе народного интеллигента. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Содержание

Предисловие	4
Введение	7
Часть первая: письма Энгельгардта «из деревни» и их значение для России	14
Глава 1. Колумб русского села	14
Глава 2. Предварительная подготовка	38
Глава 3. О русском человеке (и немного – о человеке западном)	43
Глава 4. Чем Энгельгардт огорошил российских читателей	68
Глава 5. Паразитизм и гнилость «благородного сословия»	81
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Михаил Антонов

Провидец Энгельгардт

Предисловие

Это книга о неизвестном русском гении Александре Николаевиче Энгельгардте, хотя о нём, как успешном хозяйственнике и глубоком знатоке предреволюционной русской деревни, в последнее время говорят и пишут довольно много. Но за этим многословием часто теряются личность этого выдающегося сына России, его размышления о фундаментальных ценностях человеческой жизни и поразительные прозрения путей будущего развития нашей Родины.

В 1960 году приобрёл я экземпляр только что вышедшей новым, шестым (а в советское время – третьим) изданием знаменитой книги А.Н. Энгельгардта «Из деревни. 12 писем», залпом прочитал её и был ею очарован, хотя понимание всего её значения для российской науки и практики, для русской культуры приходило ко мне постепенно. И до сих пор считаю её одним из основополагающих трудов о России. С того времени я кропотливо собирал всё, что было связано с Энгельгардтом, его семьей и ближайшим окружением, его открытиями в разных областях деятельности. Естественно, появилось и желание поделиться узанным с другими, с

читателями. Я опубликовал несколько небольших статей об Энгельгардте в газетах, журналах и в Интернете. Но лишь в 1996 году мне удалось опубликовать довольно большим тиражом очерк об Энгельгардте «Провидец» в «Роман-газете» (№ 2). Этот номер представлял собой сборник под названием «Русские хозяева». В нём, кроме моего очерка, были напечатаны ещё два произведения: историческое повествование: Валерия Ганичева «Тульский энциклопедист» (об Андрее Тимофеевиче Болотове) и повесть Михаила Петрова «Жизнеописание Дмитрия Шелехова».

По просьбе одного немецкого издательства я переработал свой очерк об Энгельгардте с учётом изменений, происшедших в России за 20 лет, и в 2014 году эта небольшая книжечка вышла в ФРГ под тем же названием «Провидец» (в обоих случаях с подзаголовком «Перечитывая А.Н. Энгельгардта»). Это было кратким изложением моего понимания книги «Из деревни».

Я был не вполне удовлетворён этими публикациями, потому что они, по желанию заказчиков, были посвящены хозяйственной деятельности Энгельгардта, в основном разбору одной лишь его знаменитой книги. А её автор и сам представлял собой яркую личность с самыми разными интересами, и проявил себя во многих областях науки и общественной жизни. Его труды оказали существенное влияние на развитие общественной мысли России конца XIX века и даже вызвали к жизни заметное, хотя и краткосрочное движение

среди интеллигенции, отчасти совпадавшее, но в принципе противоположное движению последователей Л.Н. Толстого. Особенно жалко мне того, что за рамками повествования оставалась мало известная сторона личности Энгельгардта, его семья и ближайшее окружение, по-своему замечательные люди, также оставившие след в истории нашего Отечества.

Предлагаемая книга – это попытка осознать с современных позиций значение деяний великого патриота России Александра Николаевича Энгельгардта, восполнив вынужденные раньше пробелы в освещении его жизненного пути. Хотелось бы надеяться, что она поможет нашей общественности узнать и оценить значение этого деятеля для правильного понимания не только прошлого, но и современного состояния и будущего России.

Выражаю сердечную благодарность за всестороннюю помощь в написании и оформлении данной книги М.М. Антонову.

Примечание: Все цитаты в данной публикации набраны курсивом.

Введение

История донесла до нас множество имён гениев, великих деятелей, замечательных людей (есть даже знаменитая книжная серия «ЖЗЛ») – мудрецов, мыслителей, полководцев, писателей, художников, композиторов, музыкантов, артистов, спортсменов, политиков, красавцев и красавиц... В каждой сфере человеческой деятельности были, есть и будут свои властители дум и кумиры. Были, конечно, и великие злодеи, знаменитые преступники, неотразимые ловеласы, о них тоже писали книги, но этих героев я оставляю за рамками своего повествования.

Разумеется, всякое величие относительно. Даже величайший из людей – всего лишь человек, а не Бог. А человек, по словам Христа, как бы ни старался, не может прибавить себе росту хоть на один локоть. Враг величия – всепожирающее время. Историки знают, сколько осталось наскальных надписей типа «Я, царь царей, повелите...», но даже имени этого всесветного повелителя не сохранилось. Кроме того, одно дело – величие земное, и совсем другое – с точки зрения вечности. И наши представления о величии могут оказаться несостоятельными, когда *«первые станут последними, и последние станут первыми»*. Наконец, ещё великий мудрец, царь Соломон знал, что всех людей ждёт одинаковая участь в земной жизни: *«...мудрого не будут помнить веч-*

но, как и глупого; в грядущие дни все будет забыто, и увя! мудрый умирает наравне с глупым». Но в нашем «человейнике» (выражение советского и российского философа и писателя Александра Зиновьева) думать о таких вещах не принято, поэтому и я оставляю этот момент в стороне.

Так вот, о гениях и великих.

Одни гении жили так давно, века и даже тысячелетия назад, что подчас даже среди учёных возникают споры, а существовали ли они вообще. Например, существовал ли Гомер? Да что там Гомер, если сомнению подвергается существование такого гораздо более близкого нам (по времени) гения, как Шекспир! А он – современник королевы Англии Елизаветы I и первого русского царя Ивана Грозного, состоявшего с нею в переписке. Впрочем, нашлись уже в наши дни исследователи, которые полагают, что под именем Ивана Грозного, правившего более полувека, объединены четыре разных властителя Руси. Но «гении всех времён и народов» словно взирают свысока на треволения разных эпох, как бы повторяя, что говорится в псалтири: «О чём мнутятся народы, и племена замышляют тщетное?» И эти «вечные» гении по сей день считаются авторитетами, на них ссылаются, их цитируют, о них спорят, одни их обожают, другие ненавидят, но они как бы живут среди нас, и их славу называют «немеркнущей» (как поётся в известной песне: «этих дней не смолкнет слава, не померкнет никогда»).

Другие деятели скажут или сотворят нечто такое, что взо-

рвёт сложившиеся представления, и они окажутся в центре общественного внимания, становятся «звёздами», «властителями дум», «кумирами». Было, например, время, когда Бенедиктова считали более значительным поэтом, чем Пушкин. На рубеже XIX–XX столетий едва ли не вся грамотная, интеллигентная Россия зачитывалась стихами Надсона. Но прошло не столь уж много времени, и кто теперь вспоминает этих кумиров?

Наконец, истории известны великие люди, которые в своё время осуществили своими деяниями подлинный переворот в мировоззрении наиболее значимой интеллектуальной прослойки общества и десятка два лет оставались авторитетами в своей области знания, обретали множество учеников и последователей, становились образцами для подражания, – словом, к ним можно было отнести все признаки величия. Но проходило время, наступала новая эпоха, людей стали волновать совсем иные идеи и заботы, и наш недавний герой оказывался забытым прочно, казалось бы, навечно. Однако затем происходили новые революционные события, жизнь общества после бурных событий, напоминающих весеннее половодье, словно река, пробившая новое русло, снова входила в берега. И тут вдруг выяснялось, что этот забытый гений неожиданно оказался нужным, его идеи не просто понадобились снова, но заблистали новым светом, наполнились самым актуальным смыслом, и остаётся лишь удивляться тому, как они могли остаться непонятыми при его жизни. И он

вновь стал нашим современником, с его положениями «сверяют часы», они вызывают дискуссии и, критически переосмысленные, ложатся в основу нового жизнеустройства общества. Такие деятели – не просто «звёзды», тем более не погасшие звёзды, а звёзды с переменным свечением. К их числу относится и мой герой – Александр Николаевич Энгельгардт.

Чем же был знаменит Энгельгардт и почему его звезда так ярко светит, то исчезает с горизонта?

Знаменит он, прежде всего, своей книгой «Из деревни». В ней собраны его письма, посылавшиеся из глухой смоленской деревеньки в столичные журналы. Первое из этих писем появилось в 1872 году в журнале «Отечественные записки», редактором которых был в то время Н.А. Некрасов. И оно сразу же произвело столь оглушительное впечатление на читающую Россию, что в одной из рецензий на него было сказано: *«Из деревни» должна сделаться настольной книгой каждого образованного человека... Её обязательно должны прочитать все – от студента до министра*. И с каждым новым письмом (а всего их было написано 12) это впечатление усиливалось. Читал и тщательно изучал эту книгу Маркс в далёком Лондоне. Позднее читал её Ленин, сделавший полемику с Энгельгардтом одним из коньков своей политической программой (впрочем, скоро сам от неё отказавшийся). Так Энгельгардт стал «звездой» и «властителем дум» значительной части целого поколения образованных жите-

лей России и непререкаемым авторитетом для возникшего общественного движения своих сторонников.

Но прошло чуть больше 20 лет, и Энгельгардт был забыт, как и его научные труды и некогда знаменитая книга. Когда в 1893 году он умер, его провожали в последний путь лишь близкие родственники. Казалось, уж теперь-то этой «погасшей звезде» уготовано вечное забвение.

Но ещё примерно через четверть века в России произошли события, перевернувшие весь мир. Царская Россия пала, эфемерная буржуазная Российская республика быстро сдулась, будто никогда и не существовала, и на целых 74 года на шестой части земной суши утвердилась Советская Россия, принявшая через пять лет название СССР. Об Энгельгардте снова вспомнили, сначала как о противнике марксизма, а затем – как о глубоком знатоке русской сельской жизни. И его книга «Из деревни» снова потребовалась, и она была четыре раза издана и нашла немало таких, как я, благодарных читателей.

Но распался и СССР, его место на карте мира заняли 15 «независимых» (неизвестно, от кого) государств. При этом собственно Россия стала буржуазной Российской Федерацией. Надо было бы ожидать, что книга Энгельгардта, нашедшая было, наконец, признание в социалистическом СССР, в буржуазной России будет не просто забыта, но и изъята из библиотек, если же о ней и вспомнят, то непременно с единственной целью – очернить и ошельмовать. Ничуть не бы-

вало. Книгу читали, о ней вели дискуссии, причём по мере углубления либеральных реформ, проводившихся «демократами» (точнее, социал-дарвинистами) и, соответственно, усиления разрухи в стране актуальность книги Энгельгардта возрастала. В 1999 году в Санкт-Петербурге вышло и любовно составленное, прекрасно оформленное и снабжённое содержательными комментариями академическое её издание в серии «Литературные памятники, которое А. В. Тихонова готовила к печати и поместила там свою интересную статью об А.Н. Энгельгардте. Выходит книга и в странах Запада. Много материалов о книге и её авторе есть и в зарубежном интернете. Вот приводимые А.В. Тихоновой доказательства того, что интерес к «Письмам» не утихает до сих пор. В Смоленском государственном педагогическом институте в 2000 году С.Ю. Дзюба защитила кандидатскую диссертацию, посвященную «Письмам» (научный руководитель В.В. Ильин).

В 1993 году в Нью-Йорке американская исследовательница Frierson Cathy A. опубликовала свой перевод «Писем» на английский язык, снабдив перевод научными комментариями. Хотя в целом известные мне зарубежные источники, особенно американские и (что удивительно) немецкие, повторяют давно известное и ничего сколько-нибудь нового и оригинального не содержат.

С приходом к власти в РФ Владимира Путина книга «Из деревни» пережила второе рождение. Если раньше количество изданий её можно было пересчитать по пальцам, то те-

перь можно говорить о подлинном издательском буме. Одно издательство за другим предлагают книгу, стремясь перещеголять друг друга в изяществе оформления и привлекая наиболее известных авторитетов в качестве авторов предисловий. Есть она и в Интернете. Что касается автора книги Александра Энгельгардта, то о нём всё чаще говорят и пишут, как о великом сыне России. Меньше рассуждают о значении книги «Из деревни» для понимания проблем современности, и уж совсем мимоходом кто-нибудь обмолвится об Энгельгардте как о провидце, предсказавшем многое о будущем нашей страны.

Она состоит из трёх частей. В первой части анализируется книга Энгельгардта «Из деревни». Во второй части рассказывается, кто такой Александр Энгельгардт, о его происхождении, разных сферах деятельности, семье (жене, детях, внуках и правнуках), трудах и открытиях, о его окружении – деятелях русской науки и культуры, о том, почему такой незаурядный человек оказался на 20 с лишним лет оказался запертым в глухой смоленской деревеньке, наконец, о трагической судьбе этой отрасли рода российских Энгельгардтов. Наконец, из третьей части станет ясным, почему я дал моей книге название «Провидец Александр Энгельгардт».

Часть первая: письма Энгельгардта «из деревни» и их значение для России

Глава 1. Колумб русского села

Почти полтора столетия назад вся просвещённая Россия – от студента до министра – зачитывалась письмами «Из деревни», печатавшимися в журнале «Отечественные записки» (последнее, двенадцатое письмо увидело свет на страницах журнала «Вестник Европы»). Дворянин, офицер-артиллерист, затем крупный ученый, профессор Петербургского земледельческого института и, видимо, член подпольной партии «Земля и воля», Александр Николаевич Энгельгардт был в 1871 году арестован в связи с причастностью к студенческим беспорядкам и общим противоправительственным направлением его деятельности. Ему было запрещено жить в столицах, университетских городах и выезжать за границу. И он вынужден был силою обстоятельств поселиться в своем имении – в деревне Батищеве Дорогобужского уезда Смоленской губернии, стать помещиком и вплотную заняться сельским хозяйством. Эта его деятельность оказалась весьма успешной. В то время, как большинство «помещи-

ков от молодых ногтѣй» разорялись и покидали свои доведѣнные до ручки имения, профессор, на которого они посматривали свысока как на оторванного от жизни книжника, сумел в короткий срок буквально из руин создать образцовое и прибыльное хозяйство. Мало того, он свежим взглядом посмотрел на сельское хозяйство царской России и, обладая даром блестящего публициста, написал серию писем-очерков, произведших переворот в общественном сознании, в представлениях не только о перспективах российской деревни, но и о путях развития страны в целом. Это сделало его кумиром значительной части молодого поколения просвещѣнной России. Сейчас даже трудно представить, какие картины, то идеализирующие, то шельмующие русского крестьянина, но равно далѣкие от действительности картины жизни русского села преподносились читателям как в художественной литературе, так и в публицистике. Можно утверждать, что Энгельгардт открыл русской интеллигенции подлинную российскую деревню, как Колумб открыл Америку.

– Ну, что ж, – может сказать мне сегодняшнй наш, хорошо информированный читатель, – мало ли хороших книг появилось в прошлом! За прошедшие сто с лишним лет страна неузнаваемо изменилась, ничего не осталось не только от до-революционной деревни, но и от сельской жизни даже, скажем, тридцатилетней давности. Так что пусть и эту интересную книгу читают себе на здоровье историки да публицисты. Но образованный читатель будет в данном случае неправ.

В том-то и дело, – и это представляется каким-то чудом, – что письма Энгельгардта «Из деревни» не только не утратили ни злободневности, ни значения, но в некоторых отношениях сегодня, пожалуй, стали еще более актуальными, чем были в момент выхода в свет. Ведь Энгельгардт не только показал, например, достоинства и недостатки помещичьих, коллективных и личных (семейных) крестьянских хозяйств, но и предсказал появление нового типа хозяйства, сущность которого мы до сих пор ещё не осмыслили, хотя его ростки уже пробиваются сквозь асфальт общественного равнодушия.

Вспомним, как еще недавно «демократические» публицисты и учёные-аграрники писали о кризисе сельского хозяйства страны, начавшемся сразу же после коллективизации и продолжавшемся шестьдесят лет, и как возражали им ревнители колхозно-совхозного строя. Ведь если собрать воедино все постановления директивных органов о необходимости и путях преодоления отставания сельского хозяйства, составитя не один солидный том. Какие только меры по развитию деревни и росту сельскохозяйственного производства не принимались, а существенно поправить дело так и не удалось. И страна, перед революцией 1917 года (и даже ещё перед Великой Отечественной войной) вывозившая в больших количествах хлеб и масло, лён и шерсть на мировой рынок (правда, часто в ущерб собственному пропитанию), вот уже пятьдесят с лишним лет закупает ежегодно и во всё

возрастающих объёмах продовольствие за рубежом. «Критикам» казалось, что корень всех бед – в колхозно-совхозном «агроГУЛаге», в отсутствии частной собственности на землю. Но вот приняли закон о частной собственности на землю, уже порушили, по существу, все колхозы и совхозы, издали указ о купле-продаже земли, на его основании ограбили миллионы крестьян, выдав им вместо земельных паёв пустые бумажки, понастроили на крестьянских наделах виллы, дачи и коттеджи, учредили даже новые помещичьи усадьбы, а обещанного «изобилия продуктов питания» нет как нет. Не говорит ли это о том, что в своих попытках поднять сельское хозяйство мы прошли мимо чего-то важного, вернее даже – мимо самого главного? «Да, прошли мимо!» – скажет читатель, внимательно изучивший книгу Энгельгардта. И письма учёного-помещика помогают найти именно это главное.

В чём же оно заключается, это «главное», то, что нашёл Энгельгардт, не посылая делегаций за рубеж (самому ему выезд туда, напомним, был запрещён), в страны с хорошо развитым сельским хозяйством? Оно оказалось совсем рядом и заключалось *в человеке*, хозяине и работнике.

– Эка невидаль, – снова может возразить мне читатель, – да ведь нам все уши прожужжали, вещая о человеке, человеческом факторе, хлеборобе, призывая возродить крестьянина – хозяина земли и плодов своего труда.

Так-то оно так, но только Энгельгардт понимал человека совсем не так, как его представляют сегодняшние учёные –

экономисты и аграрники, а также государственные мужи и публицисты.

Но начнём всё же по порядку. Вот впечатления Энгельгардта от того, что он увидел, приехав на Смоленщину:

«...Проезжая по уезду и видя всюду запустение и разрушение, можно было подумать, что тут была война, нашествие неприятеля, если бы не было видно, что это разрушение не насильственное, но постепенное, что всё это рушится само собой, пропадает измором».

Это сказано не сегодня, а в 1871 году, в правление благоверного царя-освободителя Александра II, то есть почти за сто лет до кампании по ликвидации «неперспективных» деревень и за 120 лет до «демократических» (а точнее – неолиберальных или социал-дарвинистских) преобразований в аграрной сфере постсоветской России. Тогда Энгельгардт, может быть, ещё не понял, но уже почувствовал, что запустение края – не стихийное бедствие, а результат планомерного разрушения основ жизнеустройства деревни, происходящего в чьих-то корыстных интересах. И понимание этих интересов, сил, сознательно разрушавших сельскую Россию, придёт к нему очень скоро.

Чтобы не возвращаться далее к этой теме, хочу сразу отметить удивительное совпадение наблюдений Энгельгардта с заметками его современника Фёдора Достоевского. Вот один лишь такой эпизод:

Состояние экономики пореформенной России удручало

Достоевского. В самом начале статьи из «Дневника писателя» он писал:

«Рухнуло крепостное право, мешавшее всему, даже правильному развитию земледелия, – и вот тут-то бы, кажется, и зацвести мужику, тут-то бы, кажется, и разбогатеть ему. Ничуть не бывало: в земледелии мужик съехал прямо на минимум того, что может ему дать земля. И, главное, в том беда, что ещё неизвестно: найдется ли даже и впредь такая сила (и в чём именно она заключается), чтоб мужик решился возвыситься над минимумом, который даёт ему теперь земля, и попросить у ней максимума...»

Всё прежнее барское землевладение упало и понизилось до жалкого уровня, а вместе с тем видимо началось перерождение всего бывшего владельческого сословия в нечто иное, чем прежде...»

Неудовлетворительное положение выявляется и в других областях жизни страны: «...бедность нарастает всеобщая. Вон купцы повсеместно жалуется, что никто ничего не покупает. Фабрики сокращают производство до минимума...». Энгельгардт далее скажет то же и о фабрикантах, и о купцах.

Что сказал бы Энгельгардт, совершив путешествие по тем же краям в начале 1990-х годов, ровно через 120 лет после своего приезда в Батищево, увидев разорение Нечерноземья, да и вообще села по всей России! Ведь тут разрушители не скрывали, что ликвидация колхозов и совхозов была поли-

тической задачей, она осуществлялась с целью покончить с Советской властью так, чтобы ни при каких условиях не допустить её возвращения, расчистить почву для установления капиталистических порядков в сельской России, как и по всей стране. И в этом деле разрушители, предатели национальных интересов России находили понимание, помощь и всестороннюю поддержку правящей элиты стран Запада. Да часто эти круги на Западе и были инициаторами и активными участниками разорения и ограбления России. У них три задачи – устранение глобального конкурента – СССР, всемерное ослабление потенциального конкурента – России и нажива за счёт её бедствий – отлично сочетались.

Помню, в предвоенные годы в СССР была очень популярна песня, начинавшаяся словами: «Так будьте здоровы, живите богато, а мы уезжаем до дому, до хаты». Если не ошибаюсь, она была приурочена к прощанию с Москвой делегации Белоруссии, показывавшей достижения республики во время декады белорусской культуры (тогда такие смотры успехов каждой союзной республики проводились регулярно, и они реально помогали крепить дружбу народов Союза). Таков уж наш народный характер: едва появляется новая популярная песня, как тут же кем-то (или самим народом?) сочиняются пародии на неё. Обычно тон пародий бывал смешной, порой иронический, чаще как проявление беззлобного зубоскальства, но, случалось, и язвительный. Вот и пародия на прощальную белорусскую (хотя и на русском языке) пес-

ню была шутливой. Но мог ли бы тогда кто-нибудь предположить, что она окажется в 90-е годы «самосбывающимся пророчеством»? Вот когда можно было бы спеть её вполне серьёзно, но только большинству народа стало тогда не до песен: Напомню всего один куплет этой песни-пародии:

*Так будьте здоровы, живите богато,
Коль жить позволяет вам ваша зарплата.
А если зарплата вам жить не позволит —
Ну, что ж, не живите, никто не неволит!*

И была бы эта песня, что называется, не в бровь, а в глаз. Тогда, в 1990-е годы, власть открыто демонстрировала, что ей на народ наплевать, и один из её идеологов прямо так и заявлял: «*Что вы волнуетесь за этих людей? Ну, вымрет тридцать миллионов. Они не вписались в рынок. Не думайте об этом – новые вырастут*». Обычно к этому добавляли изречение одного знаменитого советского маршала: «*Русские бабы ещё нарожают*». (Тут оба авторитета ошиблись: в 90-е годы русские бабы массово отказывались рожать, отсюда и демографическая яма, последствия которой будут сказываться ещё долго.)

Как при Александре II, так и при Ельцине с его поделеньниками, либеральные реформы послужили поводом для туземного и иностранного жулья крушить экономику, культуру и духовные основы России, грабить её достояние, шельмовать и унижать наш народ, надевая на его шею новое, «демокра-

тическое» ярмо. А большинству народа зарплата не позволяла не только жить, но и выживать, да и её, мизерную в условиях скачкообразного роста цен, подчас не выдавали по несколько месяцев. Энгельгардт в 1990-е годы увидел бы не только разорённые фермы и заброшенные поля в деревне, но и вполне работоспособных, однако лишившихся работы горожан, копающихся в мусорных ящиках в поисках остатков пищи, выброшенных более состоятельными людьми.

Если бы Энгельгардт повторил своё путешествие ещё четверть века спустя, в 2015 году, он застал бы не столь надрывающую душу, но отнюдь не всегда радующую картину. В сельской местности он увидел бы островки интенсивного хозяйствования агрохолдингов, напоминающие кулацкие хозяйства, только более крупные и основанные на новой технике, первые плоды усилий по импортозамещению – свиноводческие комплексы, фермы крупного рогатого скота, новые фруктовые сады и виноградники, и одновременно – громадные массивы заброшенной пашни, оставшихся без работы жителей деревень, на которых, вдобавок ко всему, обрушилась новая волна «оптимизации» систем образования и здравоохранения на селе. Сейчас уже не так бросались бы в глаза разрушенные фермы колхозов и совхозов, потому что всё, что там подлежало утилизации, было уже растащено, а сами развалины поросли травой или даже лесом, кучи брошенного металла поржавели и даже приобрели какой-то экзотический вид и подобие мест для агротуризма. В некоторых го-

родах он заметил бы признаки оживления, в других – продолжающееся запустение, отсутствие работы и надежды на лучшее будущее. Но порадовало бы его то, что «Крым наш!». А если бы довелось ему побывать на Параде в честь 70-летия Великой Победы в Москве, он преисполнился бы гордости за возвращающую себе статус великой мировой державы Россию. Кстати сказать, он имел бы полное право принять участие и в шествии «Бессмертного полка», неся портреты своего сына и остальных членов своего семейства, погибших от голода в блокадном Ленинграде в 1942 году.

Ну, а тогда, когда он только переехал на жительство в Бащицево, видя запустение родного края, во многом отражавшее картину всей российской деревни, учёный-помещик посчитал постановку своего хозяйства, доведение его до процветания не только способом обретения средств к жизни, но и своим патриотическим долгом. Сыграло свою роль и желание показать: учёный не сломлен царской немилостью. «*Я оставлял Петербург, – напишет он позднее, – весёлый, полный надежд, с жаждой новой деятельности*». Присутствовало тут и стремление к самоутверждению: «*и я на что-нибудь годен, и я чего-нибудь да стою*».

И через несколько лет упорного труда он добился своего, создав образцовое хозяйство в обыкновенной деревне с малопродуктивными подзолистыми почвами. Более того, его имение превратилось в своего рода школу передового опыта, куда съезжалось много жаждавших построить жизнь на

новых началах, прежде всего молодежи (правда, подлинного успеха из них добивались немногие). И это дало ему основание с уверенностью заявлять:

«Теперь Смоленская губерния нуждается в привозном хлебе, но если распахать пустоши, то мы не только не нуждались бы в хлебе, но завалили бы им рынок». И это относилось не только к хлебу, а и к другим продуктам питания, и не только к Смоленщине, но и ко всей сельской России. Ну, а кто же не даёт распахать эти пустоши? Помещики, которым они принадлежат. Они либо живут по принципу «собаки на сене»: «сама не ем, и другим не даю». Либо же использовали для закабаления крестьян «отрезки», о чём подробнее будет сказано ниже. Энгельгардт думает именно о судьбах всей России, которая могла бы быть необыкновенно богатой, если бы производителя сельскохозяйственной и иной продукции не связывали по рукам и ногам бюрократические узы и устаревшие отношения собственности, о которых тоже будет сказано ниже. Вспоминая разговоры крестьян о некоей сказочно богатой стране «Китай», учёный восклицает:

«Но где же этот «Китай»? Где этот таинственный, могучий, богатый «Китай»? Он тут, под ногами у нас лежит скованный, запертый замками немецкой работы, запечатанный двенадцатью печатями. Только снимите печати, только отприте замки!.. Не мешайте нам, не водите на помочах – и мы будем платить хороший откуп. Денег будет пропасть, только дайте возможность жить, как нам луч-

ше. Сгорит деревня – мы построим новую. Подохнет скот – новый вырастим. А сверх того и деньги будем платить, деньги, стало быть, будут».

Как мы видим, стон, который мы слышим и сегодня («не просим помощи – только не мешайте!»), раздавался и сто с лишним лет назад. Но чтобы иметь право высказать это тогда, Энгельгардту пришлось создать целую новую систему хозяйствования, а для этого и нужно было найти то «решающее звено», ухватившись за которое, можно вытащить всю цепь. И Энгельгардт нашел его не просто в человеке, крестьянине и работнике, а именно в русском человеке, живущим своим особым, национальным строем жизни. Русский человек, конечно, по анатомии и физиологии такой же, как и люди других национальностей, но у него свой, особый (при всём разнообразии индивидуальностей) склад психики, а отсюда – и отношение к труду, чередование работы и праздников, весь строй быта. Хотя, судя по фамилии, Энгельгардт имел в числе своих предков немца, он хорошо знал русского человека, ибо родился в 1832 году в смоленском селе Климове (имении отца), провел там детство и получил первоначальное образование. Сын довольно крупного землевладельца, он всё же хорошо знал положение крестьян. И впоследствии в городе его окружали замечательные русские люди, он был в курсе всех новинок отечественной литературы, особенно «деревенской прозы» позапрошлого века. И всё же, вернувшись в деревню, он сразу же почувствовал, как скуд-

ны его познания в жизненно важных вопросах российского бытия, почерпнутые «из авторитетных источников».

«Когда-то в Петербурге я, интересуясь внутренней народной жизнью, читал известные корреспонденции, внутренние обозрения, земские отчёты, статьи разных земцев и пр. Каюсь, я тогда верил всему, я имел то фальшивое представление о внутреннем нашем положении, которое создано людьми, доподлинного положения не знающими. Когда я попал в деревню – а дело было зимой, и зима была лютая, с 25-градусными морозами, – когда я увидел эти занесённые снегом избышки, узнал действительную жизнь с её «кусочками» (нищенстве, но об этом – ниже. – М. А), «приговорами», я был поражён. Скоро, очень скоро я увидел, что, живя совершенно другою жизнью, не зная вовсе народной жизни, народного положения, мы составили себе какое-то, если можно так выразиться, висячее в воздухе представление об этой жизни... Только крестьяне знают действительную жизнь».

Это положение, кажущееся невероятным, тем не менее, сопутствует людям на всём протяжении человеческой истории. «Верхи» обычно имеют превратное представление о жизни «низов». И «верхи» практически всегда имеют о действительности, особенно о жизни «низов, ложное представление. Маркс выразил это положение афористичной формулой: верхи полагаются на низы в знании частных дел, низы полагаются на верхи в знании общего положения дел, и тем

самым вводят друг друга в заблуждение.

И Энгельгардт не просто изучает, наблюдает русского человека в разных проявлениях его бытия, но и действительно «живёт в народе»:

«Меня всё интересовало. Мне хотелось всё знать. Мне хотелось знать и отношение мужика к его жене и детям, и отношение одного двора к другому, и экономическое положение мужика, его религиозные и нравственные воззрения, словом – всё. Я не уходил далеко, не разбрасывался, ограничился маленьким районом своей волости, даже менее – своего прихода. Звал меня мужик крестить, я шел крестить; звали меня на никольщину, на свадьбу, на молебны, я шел на никольщину, на свадьбу, сохраняя, однако, свое положение барина настолько, что приглашавший меня на никольщину мужик, зная, что я не держу постов (это среди интеллигентных дворян было уже делом обыкновенным. – М. А.), готовил для меня скоромное кушанье. Я ходил всюду, гулял на свадьбе у мужика, высиживал бесконечный обед у дьячка на поминках, прощался на масленой с кумой-солдаткой, пил шампанское на именинном обеде у богатого помещика, распивал полштоф с волостным писарем, видел, как составляются протоколы, как выбираются гласные в земство».

Думается, далеко не каждый руководитель рангом от председателя колхоза и выше, не говоря уж о высшем менеджменте агрохолдинга в наши дни, даже если и вышел из крестьянской семьи, мог бы поставить себя в такие отноше-

ния к рядовым труженикам села.

Природный ум, обширные познания, богатый жизненный опыт, научный подход к хозяйству, строгий учёт и тщательный анализ всех сторон хозяйственной деятельности в сочетании с великолепным знанием людей и, соответственно, умением подбирать себе помощников и послужили залогом успеха Энгельгардта в экономическом смысле. А блестящий дар публициста позволил ему написать книгу, которая остаётся сегодня (и, надо думать, останется и впредь ещё надолго) интересной широкому кругу читателей, и притом не только сельских жителей.

История часто движется от утопии к утопии (это не исключает достижения при этом каких-то побочных положительных результатов), а общество живет мифами. Меняется общественный строй, меняется власть – меняются и мифы, нередко просто сменив знак на противоположный. Миф о всесторонне отсталой, «лапотной», царской России может смениться мифом о России процветающей (о «России, которую мы потеряли»), миф о нищей стране – мифом о стране, «кормившей хлебом половину Европы». Книга Энгельгардта помогает избавиться от многих мифов и обрести достоверное знание о России второй половины XIX века.

Трудно перечислить все те вопросы народной жизни, настоящего и будущего России, какие подняты Энгельгардтом в его письмах-очерках. Здесь и размышление о хозяине и хозяйстве, и исследование русского человека как работника,

члена семьи, участника общинного дела, гражданина государства, личности – носителя определённого национального психического склада, и сравнение различных систем землепользования, и объективное описание уровня жизни, и трезвый взгляд на политику правительства. И всё это остаётся в большей или меньшей степени злободневным, всё чему-нибудь научает. В особенности же, пожалуй, учит судить о жизни народа не по газетным, радио- и телерепортажам, не по трактатам ученых, не по статистическим отчетам. К сожалению, за сто с лишним лет положение в этом отношении мало изменилось, и те высокие инстанции, которые принимают решения по коренным вопросам развития сельского хозяйства, так же мало знают действительную жизнь народа, как мало знали её и тогдашние начальства. Плохо знают эту жизнь и журналисты (не в обиду им будь сказано), кавалерийские наскоки которых в хозяйства часто представляют собой проявления своеобразного нового «народничества». Польза от таких наездов более чем сомнительная, ибо начальство рангом пониже давно выработало до тонкостей механику «втирания очков» сановитым гостям, а тех подобный способ общения с народом, кажется, вполне устраивает, и не удивительно. Ведь деревня пока интересовала горожан, прежде всего, как источник продовольствия для них, может быть, еще как место летнего отдыха, а отнюдь не как та сфера народной жизни, где закладывается фундамент физического, нравственного и духовного здоровья нации. И на-

лаживать сельское хозяйство, учить крестьян пахать и сеять мы долго посылали городских активистов вроде шолоховского Давыдова или теперешних коммерсантов – руководителей агрохолдингов.

В самом начале своего первого письма Энгельгардт предупреждает редакцию и читателей журнала, *«что решительно ни о чём другом ни думать, ни говорить, ни писать не могу, как о хозяйстве. Все мои интересы, все интересы лиц, с которыми я ежедневно встречаюсь, сосредоточены на дровах, хлебе, скоте, навозе... Нам ни до чего другого дела нет... Вот описание моего зимнего дня.*

...Поужинав, я ложусь спать, и, засыпая, мечтаю о том, что через три года у меня будет тринадцать десятин клеверу наместо облог (заброшенных земель), которые я теперь поднимаю под лён. Во сне я вижу стадо пасущихся на клеверной отаве холмогорок (порода коров), которые народятся от бычка, обещанного мне одним известным петербургским скотоводом. Просыпаюсь с мыслью о том, как бы прикупить сенца подешевле.

Проснувшись, зажигаю свечку и стучу в стену – барин, значит, проснулся, чаю хочет. «Слышу!» – отвечает Авдотья и начинает возиться с самоваром».

И так подробно описан весь день. Но, конечно, Энгельгардт здесь немного хитрит. С одной стороны, такая сосредоточенность исключительно на хозяйстве и позволила ему добиться невиданных на данном поприще результатов, а с

другой – и мысли о российском селе, о судьбе России никогда не покидали его, вклиниваясь и в сознание, и в подсознание, и в процесс хозяйственных забот. Он жил не так: сейчас я занимаюсь хозяйством, а потом буду думать о России. Нет, каждое его повседневное хозяйственное дело, каждое наблюдение за крестьянской жизнью добавляло свой штрих в складывающуюся в его голове картину жизни страны.

Описание Энгельгардтом жизни смоленской деревни должно было шокировать петербургскую публику, потому что из него было ясно, что столица и сельская Россия – это два совершенно разных и не соприкасающихся один с другим мира: *«Вам в Петербурге... всё равно, что ноябрь, что январь, что апрель. Самые тяжёлые для нас месяцы – октябрь, ноябрь, декабрь, январь – для вас, петербуржцев, суть месяцы самой кипучей деятельности, самых усиленных удовольствий и развлечений. Вы встаёте в одиннадцатом часу, пьёте чай, одеваетесь, к двум часам отправляетесь в какой-нибудь департамент, комиссию, комитет, работаете часов до пяти, обедаете в шесть, а там – театр, вечер, вечернее заседание в какой-нибудь комиссии – время летит незаметно. А здесь, что вы будете делать целый вечер, если вы помещик, сидящий одиночкой в вашем хуторе, – крестьяне другое дело, они живут обществами».*

Да что там Петербург. Вот Энгельгардт едет из столицы в свою глухомань в мягком вагоне поезда:

«Удивительный контраст! Мягкий диван в вагоне, зер-

кальные стёкла, тонкая столярная отделка, изящные сеточки на чугунных красивых ручках, элегантные станции с красивыми буфетами и сервированными столами, прислуга во фраках, а отойди полверсты от станции – серые избы, серые жупаны, серые ши, серый народ...»

То есть не только столица, а вся цивилизованная Россия отделена от основной массы народа невидимой, но непроницаемой стеной.

Да, крестьяне живут обществами, но это не означает спокойного развесёлого житья без нужды и без забот:

«В нашей губернии и в урожайные годы у редкого крестьянина хватает своего хлеба до нови: почти каждому приходится прикупить хлеб, а кому купить не на что...», остаётся нищенствовать. Ну, сам-то крестьянин пойдёт по миру, а его лошадь, корову и прочий скот кто будет кормить, если в этом году не только голод, но и бескормица? Самому-то подадут кусочек хлеба, а сена и клочка никто не подаст. А если останешься и без лошади, и без коровы, одно остаётся: ложись и помирай. Одинокий человек может податься в город и как-то там устроиться, а если с женой и детьми, которых часто бывало по много в крестьянских семьях? Тут даже самая богатая фантазия отказывается рисовать картину будущего такого бедолаги.

Вот скотник Пётр. У него с женой семеро детей в возрасте от года до 14 лет. И всё семейство работает безустанно с утра до ночи, чтобы только прокормиться. При этом *«в скотной*

избе, кроме скотника и скотницы (его жены) и их семерых детей помещаются ещё новорождённые телята и ягнята». Казалось бы, за ту мизерную плату, какую получает Пётр, которому приходится трудиться на барина зимой и летом, в будни и в праздники, в дождь и в снег, невозможно согласиться работать ни одному здравомыслящему человеку. Но Пётр руками и зубами держится за своё место: уйди он с него, тут же найдутся пятьдесят желающих заменить его. Потому что хлеба нет, работы нет.

Но порой и мужик, работающий на своём наделе, оказывается в худшем положении, чем Пётр.

Вот мужик Дёма. К весне в доме ни крошки хлеба, а кормить семью надо. Идёт к одному помещику, просит хлеба в долг, с обязательством отработать долг весной. Дали хлеба, но мало. Кончился он – надо снова занимать хлеб уже у другого помещика, тоже с отработкой. Потом – к третьему, на тех же условиях.

Наступила весна, пора пахать свою ниву. *«Дёма встал до свету... запрягает на дворе лошадь в соху, думает в свою ниву ехать – у людей всё вспахано, а его нива ещё лежит»*, а уже староста из Бардина, прискакавший верхом выгонять обязавшихся работой, затем из другой, тут как тут: Один посылает в Бардино бороновать, другой в Федино – лён сеять. Никакие мольбы освободить его от повинности (*«своя нива не пахана»*) не помогают. Хлеб в долг брал с отработкой, *«так ступай, а не то знаешь Сидорыча (волостной), –*

тот сейчас портки спустит». (Для столичной публики было внове, что, оказывается, по указанию волостного старшины взрослого крестьянина могут выпороть.)

Дёма один день сеет лён на поле одного помещика, следующий – боронит у другого. И думает о своей непаханой ниве.

«Нет, уж это последнее дело, когда мужик должен набирать работы не под силу, – тут во всём хозяйстве упущение, и смотришь – через несколько лет мужик совершенно провалился. Ведь взяв вашу работу, он должен упустить своё хозяйство, расстроить свой двор, каков бы он ни был; понятно, мужик держится за него и руками и зубами. Но что же делать? зато «душу спас», зимою с голоду не умер».

А опоздать с пахотой – значит опоздать и с севом. Опоздать с посевом – может морозом захватить овёс во время налива, и тогда всё пропало. И вообще тёплое время года у нас короткое, опоздал на ранних стадиях цикла полевых работ – можешь остаться без урожая, а это уже почти гибель крестьянину и его семье. И многие крестьянские семьи живут на грани такого несчастья. Энгельгардт, уже познавший, что такое хозяйство, всей душой сочувствует Дёме, которому, возможно, так же придётся убирать рожь или сено на барском поле, когда и его собственный урожай или покос требует именно сейчас приложения его труда:

«Представьте же себе нравственное состояние мужика-хозяина, когда он должен бросить под дождь свое разбитое на лугу сено, которое вот-вот сейчас до дождя он

успел бы сгрести в копны, бросить для того, чтобы уехать убирать чужое сено. Представьте себе положение хозяина, который должен оставить под дождем свой хлеб, чтобы ехать возить чужие снопы...

Нужно видеть, что делается внутри, в душе хозяина, как он клянёт судьбу, как он закаивается брать в другой раз страдную работу... Работа летом, в страду, в помещицьем хозяйстве разоряет мужика, и потому на такую работу он идет лишь из крайности, отбиваясь от этой работы елико возможно».

Тяжела жизнь крестьянская. Но не следует думать, что крестьяне обозлены и только о том и думают, как бы устроить бунт или совершить революцию. Нет, они знают, что такой порядок установлен не ими, так жили их деды и отцы, и живут напряжённой трудовой жизнью. Но они играют свадьбы, веселятся, поют песни, пляшут (хотя подчас дело без драки не обходится), у них есть свои светлые дни, свои праздники, свои представления о мироустройстве, о справедливости и о несправедливости, мало понятные господам.

И ещё одно существенное различие между способами существования петербургского чиновника и сельского барина:

«Там, в Петербурге, – худо ли, хорошо – отслужил месяц и ступай к казначею, получай что следует. Откуда эти деньги, как они попали к казначею – вы этого не знаете и спокойно кладёте их в карман, тем более, что вы думаете, что их заслужили, заработали. Тут же не то: извольте получить

оброк с человека, который ест пушной хлеб (то есть хлеб из неотвезанной муки, вместе с мякиной), который кусок чистого ржаного хлеба несёт в гостинец детям... Прибавьте ещё к этому, что вы не можете обольщать себя тем, что заслужили, заработали эти деньги».

А мужики платить оброк не торопятся.

«Конечно, получить оброк можно – стоит только настоятельно требовать; но ведь каждый человек – человек, и, как вы себя ни настраивайте, однако, не выдержите хладнокровно, когда увидите, как рыдает баба, прощаясь с своей коровой, которую ведут на аукцион... Махнёте рукой и скажете: подожду».

Но ведь одному простишь, другому, тогда крестьяне и вообще платить оброк перестанут. А чем тогда помещик, владелец большей части земли, жить будет?

«Раз, другой, а потом и убежите куда-нибудь на службу; издали требовать оброк легче: напишете посреднику, скот продадут, раздирательных сцен вы не увидите...»

Энгельгардт, начиная с первого же письма, и чем дальше, тем в большей степени, рисует картину народной жизни, коренным образом отличающуюся как от официального её портрета, так и от представлений интеллигента, почерпнутых из газет и повестей из сельской жизни. Продолжая повествование о скотнике Петре, он добавляет:

«Недорого оплачивается такой тяжёлый труд, как труд скотника со всем его семейством... будь какая-нибудь воз-

возможность Петру жить на своём наделе, он, разумеется, не попал бы за такую плату в должность скотника, где ему нет покоя ни днем, ни ночью». Но «положение скотоводства у помещиков незавидное, и... нельзя дать большую плату скотнику, так как и при такой ничтожной плате за труд скот в убыток. То же самое можно сказать и относительно других отраслей хозяйства».

При этом Энгельгардт показывает тщетность попыток изменить положение дел к лучшему, совершенствуя отдельные законы или перестраивая административный аппарат.

А сейчас? С большим трудом осознается нами та простая мысль, что просто поднять сельское хозяйство в наших условиях принципиально невозможно, а нужно налаживать вконец расстроенную народную жизнь. Как это сделать и чем в этом может помочь книга писем Энгельгардта, – об этом пойдет речь в следующих главах о ней. А пока я должен сделать два отступления от последовательного её разбора.

Глава 2. Предварительная подготовка

Энгельгардт пишет, что приехал в Батищево, ничего не зная о положении в российской деревне в тот момент. На деле всё обстояло не так.

«Лето 1863 г. А.Н. провел у родных в Вельском уезде. Деревенские впечатления вылились в «Письма» в редакцию «С.-Петербургских Ведомостей» под общим заглавием: «Из деревни», подписанных псевдонимом Буглима». Вот суть этих ранних писем «Из деревни»:

Энгельгардт не ожидал, чтобы так быстро, в какие-нибудь два года (после Положения 19-го февраля 1861 года) всё так радикально изменилось к лучшему...

В деревнях у крестьян всюду идёт постройка – точно после пожара. Оказались вдруг богачи-мужики. Теперь они не боятся выказывать деньги, а прежде прятали и притворялись бедняками, ходили в лаптях, ели пушной хлеб. На крестьянских наделах кипит работа: мелколесье, кусты, болота, всё разрабатывается – точно пришли новые «переселенцы». Совершенно иной вид имеют помещичьи земли. *«Всё запускается, брошено без присмотра, без ремонта, сады почти повсеместно повьмерзли... Экипажи, хорошие лошади – всё распродается.*

У ямщиков в тарантасах появились железные оси и хорошие колеса, всё от господских колясок и карет. Не видно

по дорогам колясок и карет шестериками, незаметно псарен, охот с доезжачими, гончими, борзыми... Помещичьи поля почти везде запускаются наполовину или более».

Энгельгардту бросился в глаза процесс помещичьего разорения. По-прежнему хозяйничать невозможно, убеждает-ся он. А между тем помещик не хочет, не может и не умеет хозяйничать по-новому. Его поразило отсутствие в помещи-ках даже самых элементарных познаний в сельском хозяй-стве. Большинство помещиков даже хуже понимает хозяй-ство, чем крестьяне.

Однако Энгельгардт ещё не теряет веры в помещичье хо-зяйство. Радуюсь признакам возрастающего благосостояния крестьянина, он прибавляет: *«Конечно, ещё более будешь ра-доваться, когда вместо запущенных полей увидишь бога-тые фермы, управляемые людьми, сведущими в науке хозяй-ства... Для самих крестьян будет выгодно, чтобы явились предприимчивые и честные люди с деньгами и, главное, науч-ными сведениями, люди, которые разработали бы запущен-ные теперь земли и на опыте показали крестьянам, какими средствами можно увеличить производительность земли и облегчить труд разработки её. И такие люди непременно явятся; откуда – не знаю».*

Итак, Энгельгардт не просто был знаком с сельским хо-зяйством пореформенной России, но даже и написал об этом серию писем под тем же названием, какое он дал впослед-ствии своей знаменитой книге. Основную тенденцию раз-

вития сельского хозяйства он уже тогда уловил: крестьянские хозяйства поправляются, помещичьи разоряются. Но по прошествии ещё восьми лет, оказавшись в Батищеве, он понял, что его прежние представления о судьбе российской деревни нуждаются в серьёзных уточнениях.

Крестьяне в деревнях Смоленской губернии в основной своей массе впали в нищету и часто в голодное время вынуждены ходить и просить милостыню. Единственное заметное улучшение их положения заключалось в том, что, нанимаясь убирать урожай ржи или косить сено в помещичьих усадьбах, например, исполу (то есть половину собранного идёт барину, другая мужику), они, увозя свою долю на свой надел, увозили с ним и почвенные частицы, определяющие плодородие почвы. Поэтому плодородие крестьянской земли повышалось, а помещичьей снижалось. Во всём остальном положение большинства крестьянских хозяйств стало совсем плачевным, и никакого строительного бума Энгельгардт не замечал, если не считать немногих дворов зажиточных крестьян и нескольких кулацких хозяйств. Именно к кулакам и относится замечание Энгельгардта о богатых мужиках, ранее боявшихся показывать, что у них есть приличные по деревенским меркам деньги, а с объявлением «воли» почувствовавших, что теперь у них будет полная свобода развернуться на ниве кровопийства. Читатели постарше, наверное, сразу вспомнят не столь уж отдалённые времена, когда в РФ вдруг объявились неведомо откуда взявшиеся миллиардеры.

Помещичьи же имения разорались: у большинства помещиков в силу их неумения и нежелания хозяйствовать, у меньшинства – «по науке», то есть вследствие попыток создать хозяйства с применением заграничных машин, покупкой заграничного же породистого скота, с приглашением иностранных управляющих и агрономов и пр., что было обречено на неудачу из-за несоответствия этих начинаний условиям российской деревни, о чём у нас будет ещё не раз разговор. Ожидания Энгельгардта увидеть приход в деревню грамотных помещиков не оправдались, кроме его самого, да ещё десятка таких же, как он, теоретически и практически подготовленных хозяев имений на всю Россию – это было, можно сказать, ничто, меньше, чем капля в море. Энгельгардт же выдвинулся среди этой кучки успешных хозяев не столько именно хозяйственной стороной дела, сколько своим публицистическим даром и его пламенной мечтой о привлечении в деревню, на мужицкую работу молодых интеллигентов, которая, пусть и ненадолго, и тоже с весьма скромными результатами, нашла отклик в молодёжной среде. А в 1863 году мечта о «деревне интеллигентов-крестьян», видимо, ещё только у него зарождалась, пока приняв форму идеи появления прослойки бескорыстных, предприимчивых и честных помещиков, у которых были не только умение хозяйствовать, научные знания и деньги, но и желание помочь крестьянам. Первое же знакомство с реальными помещиками показало тщетность надежд подобного рода. Сре-

ди них не было и не могло быть господ, сгоравших желанием стать благодетелями крестьянства, недавних своих крепостных. Да и крестьяне не поняли бы таких филантропов и не поверили бы им, это противоречило всему жизненному опыту многих поколений эксплуатируемых господами земледельцев. Мне кажется, Энгельгардту было бы несколько неловко в письмах поздних вспоминать мечты своих писем ранних.

И получается так, что, с одной стороны, Энгельгардт как бы прошёл предварительную подготовку к своей роли хозяйственника и публициста, а с другой – убедился, что прежние его опыты на этой ниве были недостаточно серьёзными. Поэтому письма 1863 года не могли стать основой для писем 1871 и последующих годов, и её придётся выработать заново. Тем не менее, они были важным этапом в выработке мировоззрения Энгельгардта.

Глава 3. О русском человеке (и немного – о человеке западном)

В первой главе я указал, что секрет успеха Энгельгардта заключался в том, что он сделал ставку не просто на работника и даже не просто на человека, а конкретно на русского работника, на русского человека. По прочтении его книги любой непредубеждённый читатель убедится, что хозяйство Энгельгардта не могло бы развиваться успешно, если бы он имел дело с немецким, французским или английским работником. Поскольку за годы рыночных реформ в нашей стране, в РФ, проповедовались различные космополитические концепции, то иному читателю, особенно молодому, может быть непонятно, почему я утверждаю это. Поэтому я счёл необходимым сказать ещё несколько слов об особенностях русского человека, которые прекрасно понимал Энгельгардт, но которых никак не поймут европейцы и российские неолибералы. Но вместо философских рассуждений приведу несколько переработанное введение к небольшой моей книжечке «Провидец» (тоже об Энгельгардте), вышедшей в ФРГ (на русском языке) в 2014 году.

Сколько копий поломано в бесконечных спорах о тайнах «загадочной» славянской, особенно русской, души! По странному стечению обстоятельств (а, возможно, и вполне закономерно), русских людей эта тема волновала мало. Глав-

ное – душа у нас есть, и она такая, какую нам дал её Бог, и вроде бы ничего таинственного в ней нет. Это уж классики русской литературы, каждый по-своему, пытались заглянуть в глубины духовного строя русского человека и часто поражались его широте, противоречивости, даже парадоксальности. А после Достоевского эти поиски стали магистральной линией развития и русской прозы, и русской поэзии. К поискам литераторов присоединились и философы, особенно самые известные представители русской религиозно-философской мысли. А вот на Западе о русской душе размышляли и интеллектуалы, и политические деятели, и даже многие обыватели. Одни – из бескорыстного стремления к познанию истины, другие – из трезвого прагматического интереса. При этом в большинстве своём они всё же опирались на выводы русских писателей, что часто приводило их к ложному пониманию России и русского человека. Помнится, Ромэн Роллан на обвинения в том, что он благожелательно отзывался о советском строе, отвечал: *«А как иначе можно управлять героями Достоевского!»* Но русские – вовсе не герои истеричного Достоевского, а преимущественно люди здравого смысла и трезвого взгляда на жизнь, хотя подчас и склонные к неожиданным и непредсказуемым поступкам. (То ли он по святым местам отправится, то ли деревню спалит; «широк русский человек» и т. п.) На Западе тоже много людей трезвых и здравомыслящих, только их трезвый взгляд и здравомыслие совсем не похожи на русские, что будет видно из

дальнейшего изложения. Ведь и те деятели Запада, которые судили о русских людях, русском народе не по книгам русских же классиков, а по личным впечатлениям, даже когда хотели быть объективными, часто несли такую ерунду, что хоть святых выноси.

Не хотелось бы приводить в качестве примера пресловутую книгу маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году», но я всё же слегка коснусь её, поскольку, на мой взгляд, её российские критики тоже не поняли французского путешественника. Да и значение этой книги выходит далеко за рамки оценки состояния России на тот момент.

Приведу несколько цитат из неё.

Вот Кюстин ещё не въехал в Россию, он на пароходе, везущем его в Петербург. А уже спешит поведать «городу и миру»:

«Я стою перед входом в империю страха...»

Что же его страшит и «перед входом», и во всё время путешествия по России, и даже по возвращении домой, в прекрасную Францию?

«Эта колоссальная империя... кажется мне посланницей далёкого прошлого. Мне кажется, будто на моих глазах воскресает ветхозаветное племя, и я застываю у ног допотопного гиганта, объятый страхом и любопытством».

В этих словах маркиза просматриваются не только страх и любопытство, но, пожалуй, и тайная зависть. Россия – победительница Наполеона выглядела в глазах европейцев геге-

моном континентальной Европы, инициатором Священного союза почти всех европейских государей. Петербургский двор был, по общему признанию, самым блестящим в Европе. Претенденты на трон в том или ином европейском государстве приезжали в Петербург, как в далёком прошлом русские князья приезжали в Орду за ярлыком на княжение. В то время как европейские страны сотрясали революции, Россия оставалась несокрушимой каменной глыбой, готовой «навести порядок» в любой части континента, что она и доказала менее чем через десять лет, подавив в Венгрии восстание против австрийского ига. Да и сама «прекрасная Франция» знала, что стоит за гневом российского императора. Когда в одном из парижских театров поставили спектакль об амурных похождениях Екатерины II, бабушки Николая I, он возмутился и пообещал прислать в столицу Франции *«миллион зрителей в серых шинелях»*. Спектакль был немедленно снят.

Как не позавидовать такой мощи? (То, что она оказалась «гнилой», выяснилось не во время путешествия Кюстина, а в Крымскую войну, не отменяет сказанного выше.)

Но вот Кюстин в Петербурге, всюду принят, для него устраивают экскурсии, ему с гордостью показывают город, построенный великим самодержцем. Но для маркиза – это всего лишь центр империи, которую населяют *«шестьдесят миллионов людей или полулюдей»*.

Вот так, ещё не выезжая из Петербурга, маркиз уже посчитал, сколько в России населения и сколько среди них от-

нести к людям, а сколько к полулюдям.

Не понравились Кюстину пешеходы на улицах столицы, и он, не спрашивая их и не проверяя документов, уже делает из своего наблюдения обобщающее заключение, и силлогизмы для этого используются простейшие:

*«Движения людей на улицах показались мне скованными и принуждёнными; в каждом жесте сквозит чужая воля; все, кто мне встретился, были гонцы, посланные своими хозяевами с поручениями. Утро – время деловое. Никто не шёл вперёд по своей воле... Эти люди-автоматы напоминают шахматные фигуры,двигающиеся по воле **одного-единственного игрока, невидимым соперником которого является всё человечество**».*

Всё логично, и здесь не до раздумий-размышлений: Петербург – город придворных, военных и чиновников. Все они – на службе, и с утра получают указания начальства. А начальство не любит, когда кто-то медлит с выполнением приказа. Дело службиста – сказать «есть!» и тут же бегом или, во всяком случае – без промедления приступить к выполнению приказа. Вот почему у прохожих на улицах деловой вид, и они не ходят вразвалочку, а спешат. Ну, а Россия живёт по закону осаждённой крепости.

В свете такого понимания человека Кюстину стало понятно, почему русские не так веселы и не так развязны, как его милые соотечественники:

«Здесь действуют и дышат лишь с разрешения импера-

тора или по его приказу, поэтому все здесь мрачны и скованны; представьте, наконец, почти полную победу воли человека над волей Господа – и вы поймёте, что такое Россия».

Маркизу, видимо, даже не приходило в голову, насколько смешны его наблюдения русскому читателю. Десятки миллионов русских людей, подданных царя, влюбляются и ссорятся, женятся, рожают и воспитывают детей, с трудом добывают хлеб свой насущный, и при этом даже не думают о своём повелителе, разве что придя в праздник в церковь, услышат молитву священника о здравии императора и всех членов августейшего семейства. Да и сам царь, если бы того и пожелал, физически не мог заниматься тем, чтобы давать разрешение этим десяткам миллионов жить и дышать. Я понимаю разные аллегории и другие стилистические украшения литературного произведения, но всё же не следует доводить «красоты стиля» до полнейшего абсурда.

От характеристики царя и подчинённых ему людей-автоматов маркиз переходит к определению сути России как государства:

«Российская империя – это лагерная дисциплина вместо государственного устройства, это осадное положение, возведённое в ранг нормального состояния общества... В России вам не позволят прожить, не жертвуя всем ради любви к земному отечеству, освященной верой в отечество небесное».

Не только российский император, но и Россия, как госу-

дарство, – это угроза Европе:

«Пусть даже Россия не пойдёт дальше дипломатических притязаний и не отважится на военные действия, всё равно её владычество представляется мне одной из опаснейших вещей в мире».

И на протяжении всей книги Кюстин высказывает страх перед нашествием на Европу этих северных орд, русских рабов, находящих счастье и в самом своём рабстве. Чего ещё ждать от людей или полулюдей, превращённых в автоматы, послушных воле одного человека – врага всего остального человечества?

Кюстин поражён тем, что, в отличие от Европы, где человек свободен, в России личность, *«я – составная часть огромной государственной машины. Эта составная часть, действующая не по своей воле, подобна винтику часового механизма – и вот что в России именуют человеком!».*

Достаётся от маркиза и русским людям, всему русскому народу:

«Обо всех русских, какое бы положение они ни занимали, можно сказать, что они упиваются своим рабством».

Русские простолюдины тоже пришлись Кюстину не по душе:

«Выражение глаз у русских простолюдинов особенное: это – плутовской взгляд азиатов, при встрече с которыми начинаешь думать, что ты не в России, а в Персии».

Это типичное для европейца выражение: азиат – это недо-

человек, хотя в Азии проживает около половины человечества, и иные азиатские народы – наследники многотысячелетней культуры. Как сказал в своё время китайский премьер Чжоу Эньлай одному кичливому европейцу: *«когда ваши предки ещё кутались в звериные шкуры, наши предки ходили в шёлковых халатах».*

Ну, и в целом, после ряда комплиментов русскому крестьянину, Кюстин выносит русскому народу суровый приговор: *«...русский народ лукав, словно раб, что утешается, посмеиваясь про себя над своим ярмом; он суверен, хвастлив, отважен и ленив, словно солдат; он поэтичен, музыкален и рассудителен, словно пастух, – ибо обычаи кочевых рас ещё долго будут господствовать меж славян... Ум этого народа-подражателя питается чужими открытиями... стремление блистать – главная страсть русских».*

Естественно, у набравшегося подобных впечатлений Кюстина возникло однозначно отрицательное отношение к России и столь же безальтернативный исход из неё:

«...я проникаюсь ненавистью к этой стране, её правительству и всему населению; меня охватывает неизъяснимая тоска и желание бежать отсюда».

Вот вам и коренная причина ненависти европейцев (и Запада в целом) к России, которую воспитанный, соблюдающий все нормы придворной этики и блюдущий свою честь европейский аристократ не смог скрывать. Этой ненавистью проникнут весь двухтомник Кюстина о России. **А ка-**

ким может быть выход этой испепеляющей ненависти к этой угрозе для Европы, к нашей стране, её правительству и всему населению? Только один: окончательное решение русского вопроса – уничтожить русских или, по крайней мере, загнать их за Урал, желательно к берегу Северного Ледовитого океана, чтобы они никогда не смогли бы вновь подняться. Гитлер попытался осуществить то решение, которое органически вытекало из чувств Кюстина. Астольф выступил как предшественник и вдохновитель Адольфа.

Наконец, буквально в наши дни ведущие деятели США и НАТО в военной области заявили, что Запад будет давить на Россию до конца её существования. На что секретарь Совета Безопасности РФ Николай Патрушев заметил, что цель Запада – чтобы России, как страны, не было. Вдобавок Обама ещё пообещал, что будет добиваться легализации однополых браков по всему миру, а значит, и в России. Нужны ли нам такие, с позволения сказать, «общечеловеческие ценности»? Всё стало ясно, без недомолвок. Это межцивилизационный конфликт, который сам собой, мирно, разрешиться не может. России вновь предстоит противостояние с объединённым Западом, хотя она и в экономическом, и в военном отношении пока слабее его. Но она – единственная на планете сила, которая выступает идеологическим, политическим и военным

препятствием для гегемонии западной цивилизации. Ни одна другая страна эту роль выполнять не сможет. Тем она Западу и ненавистна.

Не случайно, что книга Кюстина была встречена в Европе на «Ура!», переведена почти на все европейские языки и выдержала множество изданий. Это был поистине бестселлер, книга, появления которой смутно ожидали миллионы европейцев. И когда она вышла в свет, это был бальзам на душу европейцев, перепуганных могуществом непонятной им России.

Я привёл выше несколько цитат из Кюстина (подобных им в книге несчётное количество) вовсе не для того, чтобы тут же вступить с ним в полемику и ткнуть его носом в мерзости французской истории и французской жизни. Всё-таки книга Кюстина – некий шаг вперёд по сравнению с веками ходившими в Европе представлениями о России, как о стране, где живут люди с пёсыми головами, а по улицам свободно ходят медведи. Я лишь хотел показать, что западному человеку органически непонятен русский человек и строй его жизни. Русские исторически сложились как народ тоталитарный, как народ-государственник, и он, перенесший множество иноземных вторжений и нашествий, живёт, по словам Дмитрия Менделеева, *«бытом военного времени»*. Многие Кюстин подметил верно, но он дал этому (возможно, даже без умысла) ложное истолкование. То, что европейцу кажется ужасным (приоритет государственных интересов над

личными, понимание долга выше чести и пр.), для русского естественно. И европеец никогда не поймёт русского человека, если даже всю жизнь проживёт в России.

Для кинорежиссёра Карена Шахназарова Европу характеризую два произведения искусства: скульптура Родена «Мыслитель» и статуя «Кондотьер» (завоеватель, покоритель «диких» народов) работы Вероккьо, которая трактуется искусствоведами как *«памятник воле, энергии, решимости, героизму человека»*. Но, говорит Шахназаров, «Мыслитель» в Европе отошёл в тень, а на тропу вышел «Кондотьер». И вышел он на тропу, ведущую на Восток. Его никто не остановит, если только он не получит от Востока сокрушительного отпора.

Мало того, что средний европеец, по Константину Леонтьеву, это «идеал и орудие всемирного разрушения». Дело обстоит гораздо хуже.

Мы ещё до конца не понимаем, что европеец – это потомок германцев-завоевателей, захвативших в V веке и заселивших, как раса господ, территорию Западной Римской империи. Многие современные государства Европы носят название тех германских племён, которые первоначально захватили эти территории: англй, саксы, белый, франки, тюринги, тевтоны, лангобарды (Ломбардия), остготы (остров Готланд, а в их империю входили Киев, Крым и, говорят, ещё и пермские земли) и вестготы и пр. Другие германские племена исчезли, но память о себе оставили надолго, напри-

мер, вандалы. Германец – это носитель духа превосходства над остальными недочеловеками, расист изначально, по своей природе.

«В результате германские завоевания, – пишет М.Саяпин, – сформировали в послеримской Европе германский по происхождению кодекс благородства, зиждившийся на двух столпах:

1. господин не происходит из числа подвластного ему населения, его род – пришлый в этих краях;
2. господин является полновластным хозяином своих людей, а не просто правителем данной местности.

Германская система землевладения фактически восстановила рабство».

Надо отметить, что до германцев эти территории, заселённые в основном кельтскими племенами, были завоёваны римлянами, которые тоже не были ангелами. Считалось, что это был народ с разбойничьими наклонностями, буйный и незаконный.

Русский мыслитель, один из основоположников славянофильства Иван Киреевский отметил особенность генезиса западноевропейских государств:

«...общественный быт Европы, по какой-то странной исторической случайности, почти везде возник насильственно, из борьбы на смерть двух враждебных племён, из угнетения завоевателей, из противодействия завоёванных и, наконец, из случайных условий, которыми наружно кончались

споры враждующих несоразмерных сил».

Исходя из этой установки, Киреевский предсказывал и будущее этих стран. Они будут развиваться кровавыми переворотами.

Вот и выдающийся русский мыслитель Николай Данилевский в книге «Россия и Европа» показал, что Европа – извечный враг России, и привёл цивилизационные объяснения этого факта. Здесь не место разбирать фундаментальный труд Данилевского, который в России нашёл тогда (да и много позже) мало читателей, понявших его историческое значение. Но одно замечание надо сделать, поскольку нынешние санкции Запада и другие его враждебные акции в отношении России – не случайная мера, а лишь иное проявление многовековой его политики с целью расчлениить и покорить нашу страну. Базовой основой такого рода устремлений являлся менталитет людей Запада. И.Я. Данилевский, определяя типичные черты, присущие народам Запада, замечал: *«Одна из таких черт, общих всем народам романо-германского тина, есть насильственность... Насильственность, в свою очередь, есть не что иное, как чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человек, им обладающий, ставит свой образ мыслей, свой интерес так высоко, что всякий иной образ мыслей, всякий иной интерес необходимо должен ему уступить, волею или неволею, как неравноправный ему».* В насильственности Н.Я. Данилевский усматривал *«коренную черту европейского характе-*

ра». Отсюда он выводил, в частности, стремление европейцев «к угнетению народностей».

Я бы сказал более определённо: русский человек и европейский человек – это два разных антропологических типа, причём европеец никогда не сможет адекватно понять русского. (Находящийся на нижней ступени развития не понимает находящегося на высшей, а последний первого понимает вполне и сочувствует ему, хотя и всегда должен быть готов к тому, что тот выкинет какой-нибудь недружественный фортель.)

Я не знаю, принимал ли Энгельгардт концепцию Данилевского в полной мере, но то, что русский человек, крестьянин, совершенно иной антропологический тип, чем европеец, он понимал и показывал на ярких примерах.

И евразийцы рассматривали Западную Европу как единый «романо-германский мир», имея в виду то обстоятельство, что все народы этого континента образовались вследствие завоевания в разной мере романизованного их населения германцами, образовавшими господствующий класс и обратившими завоёванных в своих рабов. Господа говорили на одном языке, местное население на другом. И через столетия повторялась та же картина. Нормандцы, завоевав в 1066 году Англию, говорили на французском, англосаксы – на диалектах своего языка. Самый знаменитый английский король Ричард Львиное Сердце участвовал в Крестовых походах и бывал в Англии редко, а английского языка не знал

совсем. Покорённые англосаксы не раз поднимали восстания против захватчиков, эти их выступления жестоко подавлялись. Понадобились столетия, чтобы из этих двух разнородных частей образовалась нация, говорящая на едином английском языке, но английская аристократия всё же имела в основном нормандские корни. (То есть германские, поскольку Нормандия – это область во Франции, которая была захвачена морскими разбойниками – викингами, германского происхождения.)

Я не отрицаю того, что деятели культуры стран Европы внесли весомый вклад в сокровищницу ценностей человечества. Но нельзя отрицать и того, что, в силу многих причин приморские страны Западной Европы, прежде значительно отстававшие, например, от Китая, вырвались вперёд в своём развитии (особенно в производстве оружия) и, захватив огромные территории на всех материках, создали обширные колониальные империи. Сначала в Испанской, а затем в Британской империи *«никогда не заходило солнце»*: когда в одних колониях наступала ночь, в других сиял день. В разы превосходили свои метрополии и по территории, и по численности населения колонии Франции, Бельгии, Голландии, Португалии. Германия, опоздавшая к началу создания колониальных империй, тем не менее, также захватила колонии в Африке и в других частях света. Колонизаторы захватывали облюбованные ими территории силой оружия (огнестрельного, которого у туземцев не было), сопротивля-

ющихся захвату беспощадно, зверски уничтожали, а покорённое население либо заставляли работать на захватчиков, либо обращали в рабов и продавали на работу на плантациях в осваиваемой европейцами Америке. На совести тех, кто несли «бремя белого человека», будучи в крови невинных жертв, – многие злодеяния: от работорговли и опиумных войн до истребления целых народов вместе с их самобытной культурой. Словом, нет такого преступления, которого не совершили бы европейцы в их безумной жажде золота, богатства. Их идеологи разработали десятки расовых теорий, оправдывавших эти преступления, убеждали себя и мир в том, что европейцы обязаны нести «бремя белого человека», эксплуатируя туземцев колоний по праву, исполняя миссию «цивилизовать» отсталые народы. Процесс же цивилизации они понимали, как насаждение повсюду ценностей и образа жизни европейцев. Европейцы (а тем более – их отколовшаяся ветвь – американцы) не могут жить без присвоения плодов труда покорённых ими народов. Даже если они вынуждены были предоставить этим народам формальную независимость, они опутали отсталые страны узами финансовой кабалы. Европейцы и американцы – народы-хищники, со дня своего появления на свет пьющие кровь своих жертв. И они не могут воспринимать мир иначе и жить иначе. Как пишет талантливый блогер Юлия Бражникова, *«хищник не может изменить матрицу своего сознания и будет прыгать на противника, пока тот, потеряв терпение, не свернёт ему*

шею». Отсюда их теории «исключительности» и «исторической миссии» той или иной нации из их сообщества.

Вообще-то каждая историческая нация обладает своей исключительностью. Весь вопрос в том, в чём нация видит эту свою исключительность, направлена ли она на подчинение и эксплуатацию других наций или же исходит из необходимости развития на собственной основе. Так, исключительность США заключается в том, что американская нация строит «град на холме», призванный стать образцом для всего остального мира, и обязанность Америки – насаждать всюду американские ценности и американский образ жизни. А те «дикие» народы, которые не принимают эти ценности и этот образ жизни, надо принудить принять предлагаемый образец, либо уничтожить, чтобы они не портили этот мир, освободили бы территорию для достойных проживания на планете. И бесполезно убеждать европейцев или американцев в ошибочности их теорий исключительности, это их гражданская религия, догматы которой воспринимаются с детства на веру, и рациональными доводами их не опровергнуть. В констатации того, что народы Запада складывались как хищники и паразиты, и что такова их гражданская религия, нет ничего обидного, тем более оскорбительного. Такими эти народы сформировала история.

А русский народ складывался в совсем других условиях. Экспансия русских была направлена на Восток и на Север, на земли мало заселённые, причём часто с экстремальными

условиями проживания. Устраивая свои крепости, со временем становившиеся городами, вблизи селений туземцев, они вступали с местным населением в торговые и иные, порой и брачные связи, и старались закрепить их на мирной основе. Поскольку по уровню экономического и культурного развития русские превосходили местное население, туземцы охотно перенимали многое из опыта пришельцев. При этом русские не пытались изменить общественное устройство у тех народов, среди которых им довелось жить. Так, хотя порой и не без трений, но без войны на уничтожение, происходил процесс адаптации русских к местным условиям, а туземцев – к русской культуре. В итоге складывался союз народов, составивших со временем Русское государство. Даже английские мыслители вынуждены были признать, что такая политика русских привела к образованию союза разноплеменных частей гораздо эффективнее, чем экспансия англичан в их стремлении подчинить себе другие народы силой оружия.

При единстве русского культурно-исторического типа, разумеется, и среди русских (как и в любой другой нации) есть люди совершенно разные и по складу души, и по взгляду на жизнь. Вот как, например, рисует Иван Тургенев (можно сказать, первый из великих русских писателей получивший широкое признание на Западе) два таких типа в рассказе «Хорь и Калиныч»:

«Хорь был человек положительный, практический, административная голова, рационалист; Калиныч, напротив,

принадлежал к числу идеалистов, романтиков, людей восторженных и мечтательных. Хорь понимал действительность, то есть: обстроился, накопил деньжонку, ладил с баринoм и с прочими властями; Калиныч ходил в лаптях и перебивался кое-как. Хорь расплодил большое семейство, покорное и единоедушное; у Калиныча была когда-то жена, которой он боялся, а детей и не бывало вовсе... Хорь любил Калиныча и оказывал ему покровительство; Калиныч любил и уважал Хоря. Хорь говорил мало, посмеивался и разумел про себя; Калиныч объяснялся с жаром, хотя и не пел соловьём, как бойкий фабричный человек... Но Калиныч был одарён преимуществами, которые признавал сам Хорь... Калиныч стоял ближе к природе; Хорь же – к людям, к обществу».

При всех отличиях русских людей, скажем, типа Хоря и типа Калиныча, у них есть много общего, и тот и другой по своему внутреннему складу не похожи на рядовых европейцев. Прагматик Хорь, при внимательном рассмотрении, резко отличается от прагматика-европейца, так же как Калиныч от европейского романтика.

Но деятели Запада, интересующиеся Россией и складом русского человека, не видят этой особенности наших соотечественников. Почему? Это отдельный вопрос. Но одна из причин этого странного положения, может быть, в том, что, зная едва ли не наизусть наиболее известные произведения Достоевского, Льва Толстого и Чехова, они не знают книг ме-

нее знаменитых, но ближе стоявших к реальной жизни русских тружеников. В особенности это относится к удивительно ёмкой, написанной прекрасным русским языком книги потомка обрусевших немцев Александра Николаевича Энгельгардта «Из деревни». Она и в России-то известна преимущественно специалистам-аграрникам, а уж за рубежом если и была когда-нибудь переведена, то давно стала библиографической редкостью. Да без обстоятельного истолкования её там чаще всего просто и не поймут. А истолкования даются почти всегда в духе книги маркиза де Кюстина.

Но почему же эту почётную и нужную работу выполнил обрусевший немец, а не «природный русак»? Ещё Пушкин заметил: *«Мы, русские, ленивы и нелюбопытны»*. Нас уже давно не удивляет то, что нередко выходцы из других народов открывают первыми какие-то стороны русской жизни, на которые нам некогда обратить внимание. Обрусевший датчанин Владимир Даль создал «Толковый словарь живого великорусского языка». Русские былины собрал славяновед и историк, славянофил Александр Гильфердинг, тоже, судя по фамилии, происшедший «от корней иноземных», возможно, немецких. И что интересно: работы Гильфердинга *«были первыми попытками в русской историографии представить более объективно характер взаимоотношений славян (особенно прибалтийских) и немецких захватчиков и колонизаторов. Традиционной легенде немецкой историографии о культуртрегерской и миссионерско-просветительской де-*

тельности немецких духовно-рыцарских орденов в отношении славян, латышей, литовцев Гильфердинг противопоставил картину насильственного онемечивания и порабощения этих народов». (Замечу, что и Энгельгардт о немцах обычно отзывается с иронией.) И музей имени великого русского художника-иконописца Андрея Рублева создал грузин Давид Арсенишвили.

О музеях, об отношении русских к прошлому, вообще надо бы поговорить особо. У нас в Москве долго не было даже музея Гоголя, да и тот, что есть, пока ещё не вполне музей. А вот эстонцы в Красной Поляне, в пригороде Сочи, создали музей классика своей литературы (фамилию его я сейчас не вспомню). Почему? Какое отношение имели эстонцы и этот их классик к Сочи? Оказывается, он лечился здесь, провёл в Красной Поляне две недели. Чувствуете разницу? Возможно, это происходит от богатства русской культуры, от обилия в ней гениев? Но Тургенев находит более глубокие тому объяснения. Он писал, что именно из разговоров с Хорем вынес *«убеждение, что Пётр Великий был по преимуществу русский человек, русский именно в своих преобразованиях. Русский человек так уверен в своей силе и крепости, что он не прочь и поломать себя: он мало занимается своим прошедшим и смело смотрит вперед. Что хорошо – то ему и нравится, что разумно – того ему и подавай, а откуда оно идет, – ему всё равно. Его здравый смысл охотно подтрунит над сухопарым немецким рассудком; но немцы,*

по словам Хоря, любопытный народец, и поучиться у них он готов». Гениев своих русский человек чтит, но не зацикливается на этом, будучи уверенным в том, что, как сказали бы некоторые известные деятели, *«русские бабы ещё нарождаются».* Потому у нас охрана памятников истории и культуры остаётся пока скорее делом узкой прослойки энтузиастов, чем всенародным движением.

Русские – в высшей степени подражательный и переимчивый народ. Начну с мелкой бытовой детали. На Руси женщины издавна носили сапоги, что было вызвано нашими климатическими условиями, и никто в этом не видел ничего особенного. Но вот кто-то из заезжих французов увидел такую обувь, и во Франции появились в продаже изящные женские сапожки. И только тогда и в России они стали модной обувью, а русские женщины часами стояли в очередях, чтобы обзавестись импортными сапожками. А сколько великих открытий и изобретений было сделано в России (от первого в мире паровоза до первого же компьютера), но они не признавались и оставались без применения. Зато, едва за рубежом появлялось что-нибудь подобное, часто основанное на русских же идеях, как тут же начиналась гонка: «догнать и перегнать!» же упоминавшийся Иван Киреевский с горечью писал: желать теперь остаётся нам только одного: чтобы какой-нибудь француз понял оригинальность учения нашего и написал об этом статью в журнале. И чтобы немец, поверивши ему, изучил наше учение поглубже и стал бы доказывать

на лекциях, что в этом учении *«совсем неожиданно открывается именно то, чего теперь требует просвещение Европы. Тогда, без сомнения, мы поверили бы французу и немцу и сами узнали бы то, что имеем»*.

Что это? Проявление комплекса неполноценности русских? Или некое прекраснодушие, открытость миру и доброжелательное к нему отношение, пока суровый опыт от этого не отучит?

При объяснении подобных явлений надо ещё иметь в виду, что русский, когда он приобщён к государственному делу, становится человеком долга, ему важно выполнить задание, и он не спешит заявить о своём приоритете, а подчас об этом и не думает. Западный же человек – прежде всего прагматик, он знает, что зафиксировать свой приоритет – это возможность заработать деньги. Радио изобрёл русский, Александр Попов. Но он работал по заданию оборонного ведомства, и его занимала задача сама по себе (возможно, работа ещё и носила первоначально гриф «секретно»). А итальянец Маркони, создав позже Попова нечто похожее на его прибор, поспешил получить патент и развернул коммерческую деятельность. В итоге светила науки признают приоритет Попова, но во всём мире изобретателем радио считается Маркони.

Писатель Михаил Пришвин хорошо знал русскую деревню и передавал широко распространённое там чувство: настоящая жизнь – в городе, а здесь – прозябание. Точно так же

многие русские люди (больше среди интеллигенции) полагали, что настоящая жизнь – там, на Западе, а здесь, в России, – прозябание. И пресловутое «преклонение перед иностранщиной» зародилось в России задолго до появления «безродных космополитов». Потому у нас и не обращали внимание на многое из того нового, что появлялось в нашей земле, но как только аналогичное создавалось на Западе, оно тотчас же получало статус совершенства и становилось предметом заимствования.

Но вот что интересно: заимствуя что-нибудь извне, русские нередко переделывали его так, что подражание становилось выше образца. Не было в русской литературе жанра романа, – заимствовали его, и через некоторое время появился роман в стихах «Евгений Онегин» Пушкина и роман в прозе Льва Толстого «Война и мир», которые многие мировые авторитеты считают вершинными достижениями этого жанра. Отсутствовали у нас балет, опера и симфоническая музыка – заимствовали их, а затем покорили мир такими шедеврами, как «Лебединое озеро», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», Первый концерт для фортепиано с оркестром и Шестая симфония Чайковского. Русская школа перевода иностранной художественной литературы славится тем, что лучшие её творения конгениальны оригиналам, а нередко и превосходят их по красоте и образности.

Про древних римлян говорили, что они ничего не изобрели, но всё заимствованное усовершенствовали. Русские же

и сами изобрели и открыли многое, и многому из заимствованного придали совершенство. При этом русские нередко творили и изобретали «просто так», от избытка творческих сил и даже из озорства, не из-за давящей необходимости. Тогда как великий американский изобретатель Эдисон руководствовался принципом: изобретать только то, что имеет перспективу завоевать рынок, принести деньги.

При этом Россия охотно принимала пришельцев из других земель. И многие иностранцы, попадая в русло русской культуры, творили уже совершенно в русском духе.

Вот и потомок немцев А. Н. Энгельгардт открыл читающей России внутренний мир русского человека, крестьянина, и этот мир оказался, при всех недостатках, за которые нас, русских, так не любят на Западе, полным поэзии и высокой нравственности, мудрости и мужества, красоты и нежности.

Глава 4. Чем Энгельгардт огорошил российских читателей

Нельзя сказать, что до Энгельгардта в русской литературе не писали о крестьянах. Не заглядывая уж в очень далёкие дали истории, отмечу, что печаловался о крестьянстве выдающийся русский писатель, мыслитель и священнослужитель времён Ивана Грозного Ермолай-Еразм. Он, между прочим, также автор «Повести о Петре и Февронии», герои которой стали символом нового для России праздника любви и верности, семейных устоев. Кроме того, ему принадлежит авторство грандиозной философской системы, в основе которой лежит не борьба противоположностей, а гармония. Радищев пострадал за свою книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», большая часть которой посвящена описанию угнетённого положения крестьянства и ужасов крепостного права. Пушкин писал не только вольнолюбивые стихи о том же, но и оставил глубокие публицистические заметки по крестьянскому вопросу, часть которых я ниже процитирую. Дмитрий Григорович в книге «Антон-горемыка» изобразил беспросветную жизнь крестьянина, на которого враз обрушились все мыслимые беды и несчастья. Тут и голод, и беспросветна нищета, и недоимки, для уплаты которых управляющий приказывает отвезти на ярмарку и продать единственную кормилицу семьи – лошадь. На ярмарке у Анто-

на крадут лошадь, и он, без неё и без денег идёт домой и встречает двух беглых солдат, промышляющих разбоем. В момент, когда полиция арестовывает разбойников, Антон, оказавшийся в их компании, по решению суда, так же, как и они, отправляется на каторгу, под вопли жены и малолетних детей. Такое нагромождение катастрофических событий наводит на мысль о заданности темы и об искусственности авторского замысла (хотя и до сих пор в ходу подобные повествования, сейчас чаще из городской жизни.)

Но особенно обострился крестьянский вопрос в период борьбы за отмену крепостного права. Большинство противников крепостничества представляли дело так, будто после его отмены настанет, наконец, золотой век, освобождённое от ига помещиков крестьянство и само заживёт счастливо, и создаст условия для всестороннего прогресса России. Увы, случилось иное. Отмена крепостного права, по словам Некрасова, ударила *«одним концом по барину, другим по мужику»*. Крестьянам оставили меньше земли, чем было в их распоряжении до «воли» (которую Фирс в «Вишнёвом саде» Чехова не зря называет «несчастьем»), и они ещё должны были дорого за неё заплатить. В крестьянстве произошло имущественное расслоение, тонкая прослойка кулаков обогатилась, более или менее «средняцкие» хозяйства оставались на плаву. А миллионы бедняков либо, оставаясь в деревне, впали в полную нищету, либо подались в город, который не мог поглотить всю эту тьму нагрянувших в него но-

вых обитателей, и они, не имея ни работы, ни крыши над головой, стали люмпенами и благодатной почвой для преступности.

Хотя ко второй половине XIX века крестьянство составляло 85 процентов населения России, по литературе о его жизни нельзя было составить реального представления. С одной стороны, были в ходу разные сказочки о добром мужичке, благообразном и богобоязненном, с другой – рисовались картины быта скотоподобных существ, тёмных, отсталых, не способных ни к чему доброму и «экономически эффективному».

В публицистике о крестьянах и их жизни писал, например, Скалдин (под этим псевдонимом выступал либеральный публицист Ф.П. Еленин). Его письма-очерки «В захолустье и в столице» стали появляться в журнале «Отечественные записки» в 1867 году, а в 1870-м вышли отдельной книгой. Хотя в них содержалось немало интересных наблюдений, сама позиция автора, либерала, сторонника перехода России на капиталистический путь развития по примеру стран Западной Европы, популярностью в русском обществе того времени не пользовалась, а потому книга особого впечатления не произвела.

За четыре года до отмены крепостного права большим успехом пользовались рассказы Николая Успенского (не путать его с двоюродным братом Глебом Успенским), посвящённые изображению дореформенной деревни и отражав-

шие радикальные демократические настроения писателя, его идейную близость к революционно-демократической интеллигенции. Показывая в этих рассказах забитость, бесправие и неразвитость крестьянской среды, писатель выступал против крепостного строя и либерализма. Именно революционно-демократическая критика увидела в этих рассказах их глубоко реалистический характер. Они якобы раскрывали истинное положение крестьянства и показывали глубокое сочувствие писателя народу. Чернышевский даже посвятил Успенскому статью «Не начало ли перемены?», в которой приветствовал нового автора, сумевшего *«глубоко заглянуть в народную жизнь и так ярко выставить... коренную причину её тяжёлого хода»*.

Чернышевский – глубокий мыслитель, оказавший громадное влияние на русское общество тех лет, в том числе и на Энгельгардта, о чём ниже будет подробный разговор. Но что он мог знать в то время о крестьянстве?

Горожанин от рождения, сын разносторонне образованного и глубоко религиозного саратовского протоиерея, с детства отданный под водительство гувернёра-француза, до 14 лет получавший домашнее образование под руководством отца и двоюродной сестры, затем три года проучившийся в духовной семинарии, где за свою начитанность был прозван «библиофагом» («пожирателем книг»), в 18 лет поступил в Петербургский университет, который окончил в 1850 году, в возрасте 22 лет, и получил назначение в Саратовскую гим-

назию. Но через два года он женился на Ольге Сократовне Васильевой, о которой тоже будет сказано ниже, и вместе с женой переехал в Петербург. Там он стал преподавателем кадетского корпуса, но скоро был вынужден подать в отставку. И началась его литературная деятельность, в основном в «Современнике», совсем не оставлявшая ему свободного времени, ибо, не состоя на государственной службе, он должен был содержать семью на скромные гонорары от своих статей и переводов с иностранных языков. Так что о жизни крестьян он и мог узнать из литературных произведений типа рассказов Н.Успенского, который, кстати сказать, довольно скоро пополнил ряды «забытых писателей». А что такое знание крестьянской жизни по литературе, это хорошо показал Энгельгардт, тоже до переезда в деревню черпавший свои познания на этот счёт из книг, газет и журналов. Это было книжное знание, не имевшее ничего общего с действительностью.

Наиболее выдающимся рассказом Н.Успенского считали «Обоз», особо отмечая знание автором языка крестьянина. Вот несколько сокращённый его фрагмент.

Мужики, едущие с обозом в Москву, остановились на ночёвку, а утром рассчитываются с хозяином:

«— Ты сколько смени положил? — простуженным голосом спросил хозяина извозчик.

— Тридцать копеек.

— Ты копейку должен уступить для меня... Я тебе после

сослужу за это... ей-богу.

– С тебя приходится, Егор, сорок две... две за хлеб да сорок... сорок две... ещё давай гривенник... За тобой ничего не останется.

...Однако мужики поняли, что всё-таки надо и следить за расчётом, и снова приняли мрачный вид, напрягая все свое внимание на вычисления...

– Хозяин, ты что за овёс кладешь?

– Тридцать серебром.

– Вы так считайте: положим щи да квас – сколько составляют? восемь серебра...

– Ну, начинай, Кондратий: щи да квас...

– А там овёс пойдет...

– Овёс после... ты ассигнацию-то вынь: по ней будем смотреть...

– Не сбивай!.. Э!.. вот тебе и работа вся: с одного конца счёл, с другого забыл.

Через час, после нескольких вразумлений мужикам, хозяин, придерживая одной рукой деньги, другой счеты, вышел вон из избы...

– По сколько же он клал за овёс?

– А кто его знает...

Ребята, будет вам спорить; пустим всё на власть бо-жью!

– Да, нынче так пустим, завтра пустим, этак до Москвы десять раз умрёшь с голоду!..

– Ивлиш! не знаешь ли: пять да восемь – сколько?

– Пять да восемь... восемь... А ты вот что, мальш, сделай, поди острыгай лучиночку и наделай клепышков, знаешь...

Наконец мужики бросили все расчёты и, перекрестившись, съехали со двора...

Верстах в пяти от станции, на горе, один мужик крикнул:

– Эй, Егор!.. А ведь я сейчас дознал, что хозяин-то меня обсчитал.

– И меня, парень, тоже.

И начался продолжительный спор».

Даже я, живущий на полтораста лет позже, чувствую, насколько надумана эта ситуация и сколь далёк язык писателя от языка настоящего крестьянина. (К этому рассказу я вернусь в конце данной главы.)

В начале 1860-х годов в журнале «Современник» печатались «Письма из Осташкова» Василия Слепцова, сторонника Чернышевского. Он пытался устроить «коммуну» и сочувствовал идее женского равноправия. Город Осташков многим современным россиянам известен как конечный пункт железной дороги, откуда открывается путь к красотам озера Селигер, в 1960-е годы – любимого места отдыхающих и туристов. За сто лет до этого Осташков имел хорошую репутацию, поскольку выделялся из числа российских городов того же класса своим благоустройством, в нём были камен-

ные мостовые, газовое освещение, пожарная команда, музыкальный оркестр, библиотека... Хотя письма Слепцова – об уездном городе, но там немного говорится о крестьянах и помещиках ближайших деревень. Всё бы хорошо, но Слепцов был, как признают даже и благожелательно относящиеся к нему критики, писателем крайне тенденциозным. Он приехал в город как «нигилист», чтобы всё «обличить» и «осмеять» (даже и тон его писем, с претензией на красоту, неизменно язвительный). Поэтому и серьёзно говорить о познавательной ценности его суждений о деревне, на мой взгляд, не приходится. Вот, в доказательство, фрагмент разговора барина с мужиками, которые пришли к нему с просьбой о выделении им земли получше:

«Барин смягчился совсем и даже стал шутить.

– Нет, постойте. Я вам сейчас ведро водки дать. Эй! Кто там? Подать водки моим мужикам по рюмке. Вот видите, – продолжал он из другой комнаты, – я зла не помню. Бог с вами. Я вам все прощаю. Я за вас хлопочу, а вы что? Вы моим лошадям овса пожалели. Бесстыжие ваши глаза! А? Не стыдно? А? Мошенники! Мошенники! А? И не стыдно? А? Овса пожалели!

Мужики молчали.

– Антон! И не стыдно тебе? Богатый мужик. Меры овса пожалел. А?

– Виноват, Александра Васильич, – растроганным голосом отвечал мужик.

– А ведь я вас люблю. Ведь я вам отец. А? Не чувствуете? Ну, чёрт с вами! Пейте, подлецы, за мое здоровье, – заключил помещик и ушел в другую комнату».

И вдруг в 1872 году в журнале «Отечественные записки» появилось первое письмо Александра Николаевича Энгельгардта «Из деревни». (Всего вышло 12 писем, вскоре 11 из них вышли отдельным изданием.) Специфика «Писем» Энгельгардта – в том, что это как бы повесть о путях становления хозяйства, которое помещик застал совершенно разорённым, к процветанию – образцу для всей земледельческой России.

Но это – и серия высокохудожественных бытовых очерков. И то, и другое лишь послужили автору основой для страстной и исполненной патриотизма публицистики. Наконец, там были и элементы фантастики и сатиры, и прогноз развития России, который вполне сбылся, но совсем не в той форме, какая виделась автору. И всё это написано прекрасным русским языком. Если труды других радетелей крестьянства, наприиер, выдающегося экономиста и публициста Юлия Жуковского, глубокие по содержанию, читать не просто, рядовому читателю для их понимания подчас приходится прибегать к словарям, то книга Энгельгардта не просто доступна каждому грамотному русскому человеку, но и занимательна, и построена так, что, начав читать её, трудно остановиться. А главное – в ней наряду со злобой дня поднимаются фундаментальные вопросы человеческого бытия.

Вследствие этого она не только служит памятником своего времени, но имеет и непреходящее историческое значение.

В письмах «Из деревни» впервые появились не выдуманные сочинителем пейзажи, а подлинные крестьяне со всеми их заботами, радостями и печалью, с их бытом и мирозерцанием. Вот лишь несколько беглых черт.

Авдотья, жена старосты Ивана, хозяйка в доме Энгельгардта. Она и стряпуха, и прачка, и доярка. Входит Иван, докладывает, что отелилась бурая белобокая корова, между ним и помещиком происходит заинтересованный хозяйственный разговор.

«— Почему и богатые не платят оброк?»

— Известно, что говорят: коли платить, так всем платить поровну, что следует...»

А вот — «старуха», которая «лечит скот чистым воздухом, солнечным светом, подходящим кормом» — и у неё всякая заболевшая тварь быстро выздоравливает.

Вечером барину докладывают, что Василий избил Ефёрову жену Хворосью — «за Петра». Василий жил с женой Ефёра, за что поил мужа водкой. Это ничего, это дело мужа. Но Хворосья прихватила Петра — мужика из соседней деревни — это уже непорядок... Мир присудил: Василий заплатит Ефёру десять рублей и поставит ему работницу на то время, пока Хворосья (избитая до полусмерти) оправится. Ну, и миру должен поставить полведра водки (которую тут же и выпили).

Согласитесь, такое не выдумать. Письмо Энгельгардта читали все, всех оно взволновало. Одни с ним соглашались, другие нет, но все с нетерпением ждали следующего письма. И всех интересовал вопрос: кто же такой этот Энгельгардт? Некоторые вспоминали, что был в Петербурге такой профессор химии, но уже с год о нём ничего не слышно. Но если это профессор, то почему он не читает лекции в столице, а пишет из какой-то забытой Богом деревеньки, которой нет ни на одной карте и от которой тысячу вёрст скачи – до Питера не доскачешь? Может быть, это вообще мистификация? Сидит какой-нибудь переехавший в столицу помещик и описывает то, что происходило в его имении?

А ждать второго письма пришлось долго. Письма Энгельгардта появлялись в журнале один раз в год. Другого автора при таких перерывах в письмах за год читатели уже забыли бы. Но каждое письмо Энгельгардта было встречено как глоток воды страдающему от жажды. И чтение очередной книжки (номера, по-современному) журнала, в которой появлялось новое письмо, по воспоминаниям современников, начинали именно с него.

Забегая несколько вперёд, отмечу, что именно рассказ Н. Успенского «Обоз» Энгельгардт назвал поклёпом на крестьян, которые, будучи неграмотными, считать умели очень хорошо. Вот его замечание об этом эпизоде:

«Что касается умения считать, производить самые скрупулёзные расчёты, то на это крестьяне мастера пер-

вой руки. Чтобы убедиться в этом, стоит только посмотреть, как крестьяне делят землю рассчитываются, возвращаясь из извоза. Конечно, вы тут ничего не поймёте, если вам не известен метод счёта, вы услышите только крик, брань и подумаете: как они бестолковы, ну точно, как в рассказе Н. Успенского «Обоз»! У. схватил только внешнюю сторону, но его рассказ грешит тем, что читатель, незнакомый с народом, выносит впечатление о совершенной бестолковости, глупости изображённых в рассказе мужиков-извозчиков. Но подождите конца, посмотрите, как сделан расчёт, и вы увидите, к какому результату привели эти бестолковые крики и споры, – земля окажется разделённую так верно, что и землемер лучше не разделит.

Какая разница в этом отношении между рассказами Тургенева и Успенского, рисующими русского крестьянина! Внешняя сторона у Успенского вернее, чем у Тургенева, и, попав в среду крестьян, вы в первый момент подумаете, что картина Успенского есть действительность, «голая правда», а картина Тургенева – подкрашенный, наряженный вымысел. Но подождите, и через несколько времени вы убедитесь, что певцы Тургенева **есть**, а извозчиков Успенского **нет**. В деревне вы услышите этих «Певцов» в песне косцов, возвращающихся с покоса, и в безобразном трепаче подгулявшей нары, возвращающейся с ярмарки, и в хоре калик перехожих, поющих о «блудном сыне», но «Обоза» вы нигде не увидите и не услышите... Успенский выставил нам русского

простолюдина простофилей. Но это-то, я думаю, и неверно... Ум-то (у крестьянина) есть, только знаний нет, и круг приложения ума очень тесен, а дайте-ка ему простор!..»

Глава 5. Паразитизм и гнилость «благородного сословия»

В числе бытующих в наше время, особенно в среде интеллигенции (как «демократической», так и части «патриотической»), мифов о процветающей царской России одно из главных мест занимает миф о благородном и просвещённом дворянстве как опоре экономики и культуры страны. Дворян-помещиков представляют заботливыми отцами крестьян, особенно бывших своих крепостных. Именно такая радужная картина рисуется, например, в книге князя Е.С. Трубецкого «Минувшее», правда, воспринятая глазами 9-летнего мальчика. Он рассказывает, как их семейство приезжает в одно из имений Дедушки, все взрослые крестьяне и крестьянки (а их несколько сотен) пришли поздравить помещика с приездом, подносят ему хлеб-соль. Дедушка благодарит их и обильно угощает – мужиков водкой и салом, баб – сладостями. И дальше даётся характеристика Дедушки:

«Дедушка (князь Александр Щербатов) был с молодости сторонником освобождения крестьян от крепостной зависимости и одним из деятелей в «эпоху великих реформ» Императора Александра II, любимого царя Дедушки. Однако, после освобождения крестьян, Дедушка не счёл себя освобождённым от заботы о своих прежних крепостных. Крестьяне уже были не «его», но он по-прежнему оставался

«их» баринoм. Дедушка постоянно заботился о благосостоянии крестьян и о всех их нуждах. В своих имениях он повсюду строил церкви... школы и часто больницы. В (имении) Хорошем при нас освящали большую каменную школу, где, по специальному желанию Дедушки, была большая зала для «народных чтений» с волшебным фонарём (кинематографа тогда ещё не было).

Пожары – бедствие русских деревень... Когда такие пожары бывали в деревнях бывших дедушкиных крестьян, он неизменно оказывал погорельцам щедрую помощь, чтобы заново отстроиться...

Дедушка очень любил Москву и в свое время был её первым выборным «всесловным» городским головой... по Городскому положению Императора Александра II. Недаром, до революции, несколько московских больниц и школ носили имя «Щербатовских». (В подтверждение своих слов Трубецкой ссылается на «Воспоминания» Б.Н. Чичерина.)

Дедушка во многом показывал путь, но по этому пути шёл не он один, а многие. Нигде в Западной Европе я не видел более глубокого чувства социальной ответственности, чем то, которым были проникнуты у нас очень многие представители старого поместного дворянства...

Конечно, и среди русского поместного дворянства, как и повсюду, встречались негодные элементы, но, повторяю, в смысле социальной ответственности, сословие это стояло исключительно высоко».

Интересно, когда Дедушка так щедро помогал бывшим своим крепостным крестьянам, приходила ли ему в голову мысль, что ведь он отдавал им лишь малую толику своего громадного богатства, созданного трудом этих самых мужиков и баб?

Ну и несколько сцен нарушали нарисованную князем идиллическую картину:

«В детстве я слышал только от двух лиц «антикрестьянские» суждения. Они меня тогда так поразили, что я запомнил их на всю жизнь.

Я помню, как однажды тётя Паши Трубецкая (рожд. кн. Оболенская), жена дяди Сережи, говорила о чем-то с другими взрослыми. В комнате находились сын тёти Паши, Котя Трубецкой (мой двоюродный брат и однолетка), и я. Вдруг тётя Паши резко повернулась к нам и, обращаясь именно к нам, а не ко взрослым, сказала: «Знайте, что мужик – наш враг! Запомните это!» Меня это так поразило, что я это запомнил, хотя и не понял тогда, что хотела сказать тетя Паши. Это так отличалось ото всего, что я слышал.

Помню я и суждение по этому вопросу старого дворецкого Дедушки Щербатова Осипа. Он не раз и по разным случаям говаривал: «А отчего я такой вышел? – (он был очень доволен собой)

– Потому что родился и воспитан при крепостном праве. Вот почему! Без крепостного права народ пропадает! Народ теперь стал не тот! Народ стал разбойник и будет ещё

хуже.» – Слова Осипа меня всякий раз поражали: он был почти единственным и во всяком случае, самым страстным сторонником крепостного права, которого я знал в жизни. Я помню, как раз (я был тогда очень мал) я стал убеждать Осипа, что освобождение крестьян было очень хорошо: «Это мне Дедушка сказал...» (Осип был очень предан Дедушке). Я вижу и сейчас улыбку сожаления, с которой Осип посмотрел на меня: «Дедушка Ваш – слишком хороший человек, он мужика не знает... Может быть когда-нибудь, не дай Бог, Вы узнаете. Вспомните тогда...»

Позднее (мне было тогда лет девять) я помню, как Осип разговаривал о мужиках с нашим учителем И. В. Сторожевым.

Разговора я не помню, он вёлся в стороне от нас, но последние слова Осипа меня поразили и врезались в память. «Господа деревни не знают, – говорил Осип. – Мужик – зверь! Руку лижет, а норовит укусить! Уж я-то знаю, свой же брат! Только управы на него теперь нет. Зазнался мужик! И всё хуже будет... Вот старый князь (Дедушка), Бог даст, не доживет, а князьков-то (Осип показал на нас с братом) может когда мужики и прирежут...»

Таких мемуаров, вообще книг о благородном дворянстве, об «отцах своим крестьянам» – бесчисленное множество. Я не хочу этим сказать, что всё это сказки. Бывали помещики, действительно заботившиеся о своих крестьянах, знаю это, например, по жизнеописаниям основоположников сла-

вянофильства, изучением которых в своё время занимался. И братья Киреевские, и Хомяков (они до освобождения крестьян не дожили), и Кошелев хорошо знали условия жизни своих крепостных и в трудных случаях (при неурожае и пр.) помогали им. Но это были редкие примеры, тонувшие в море дворянского хищничества.

Вот и в наши дни Союз потомков российского дворянства самочинно переименовал себя в Благородное российское дворянское собрание. И некоторые его члены (в первую очередь доктор исторических наук С. Волков) публично заявляют, что истинные культура и благородство доступны лишь дворянам по рождению. А дети рабочих и крестьян, несчастные «совки», сколько бы ни учились и ни старались, к высочайшим ценностям и подлинному созиданию неспособны: нет у них в жилах «голубой крови», не те гены. Письма А.Н. Энгельгардта «Из деревни» показывают, кроме всего прочего, полную несостоятельность подобных утверждений «дворянских хамов», в частности, гораздо (при неграмотности) лучшую память, сообразительность, умение считать, знание природы и пр. у крестьян по сравнению с культурными дворянами (особенно, если сравнивать крестьянских и дворянских детей). Книжные знания и манеры поведения – дело наживное, а в смысле природных задатков часто крестьяне превосходили своих бар.

До 1762 года дворянство было служилым сословием. Дворянин нёс службу (военную или чиновничью) государю и за

это получал землю с крепостными крестьянами. Служба была пожизненной и наследственной, и если она кончалась (например, род вымирал, в нём не оставалось мужчин, способных служить), землю отбирали в казну или передавали другому дворянину. Но во время слабой императорской власти дворяне вынудили Петра III издать указ о вольности дворянской, и служба для дворянина перестала быть обязательной, тогда как земля и крепостные продолжали оставаться его собственностью. Екатерина II, захватившая престол с помощью дворян – гвардейцев, ещё более расширила привилегии дворянства. С этого времени дворянство в значительной своей части становится паразитическим сословием, отсюда ведет своё начало и российская интеллигенция.

От указа о вольности дворянской до отмены крепостного права прошло ровно сто лет. И время показало, как класс, переставший выполнять общественную функцию, вызвавшую его ранее к жизни, всесторонне деградирует, превращается в паразита.

Даже и перестав служить государству, многие дворяне сами не вели хозяйство, поручая это негосподское дело старостам, приказчикам и управляющим. Они жили в столицах, губернских и уездных городах, наезжая в свои деревни летом как на дачи, ездили по заграницам, соря там дармовыми деньгами, зачитывались сочинениями Вольтера и подвизались в масонских ложах, приобщались к западной культуре, которая стала для них ближе отечественной. Но и те,

что оставались жить в деревне, часто в хозяйство не вникали (ведь географию знать необязательно, потому что извозчик довезет, куда надо, а экономику тем более – на то и нанимали экономов). Зато они часто позволяли себе всякого рода издевательств над крестьянами. Продажа крестьян (подчас с разъединением семей), обмен их на охотничьих собак, принуждение крестьянок к сожительству и пр. были обычным делом, о чем хорошо сказано, например, в книге митрополита Вениамина (Федченкова) «На рубеже двух эпох». Такой «беспредел» в отношениях дворян с крестьянами в нравственном смысле был губительным для обеих сторон (как писал М.Е. Салтыков-Щедрин, одни были развращены до мозга костей, другие забиты до потери сознания). И все же при крепостном праве дворяне, даже и увеличивавшие сверх всякой меры барщину и оброк, оставались заинтересованы в том, чтобы крестьяне обеспечивали себя и были в состоянии выполнить возложенные на них повинности, и потому иногда помогали мужику, у которого пала лошадь или корова, обзавестись новой. В их имениях сохранялось от XVIII века некое подобие отношений барина-отца, надзирающего за пристойной жизнью крестьян-детей. (Поэтому, когда Пугачёв, истреблявший дворян без пощады, занял село, принадлежавшее помещику Радищеву, отцу известного писателя и революционера, крестьяне прятали своего барина от самозванца).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.